

Юрий Толстяков

Убегающий
от
любви

аст

Юрий Поляков

Убегающий от любви (сборник)

«АСТ»

Поляков Ю. М.

Убегающий от любви (сборник) / Ю. М. Поляков — «АСТ»,

ISBN 978-5-17-069097-8

Главный герой произведений, вошедших в этот сборник, – любовь. Ее ищут все, но далеко не каждый и не всегда оказывается к ней готов. Юрий Поляков верен себе: здесь есть и мастерски закрученная интрига, и психологическая точность характеров, и тонкий юмор, и сочный афористичный язык.

ISBN 978-5-17-069097-8

© Поляков Ю. М.

© АСТ

Содержание

Парижская любовь Кости Гуманкова	5
1	5
2	9
3	13
4	16
5	21
6	25
7	30
8	33
9	38
10	42
11	46
12	49
13	53
14	57
15	62
16	65
Конец ознакомительного фрагмента.	66

Юрий Поляков

Убегающий от любви (сборник)

Парижская любовь Кости Гуманкова

1

Наш пивной бар называется «Рыгалето», хотя на самом деле он никак не называется, а просто на железной стене возле двери можно разобрать полустершуюся трафаретную надпись:

Павильон № 27
Часы работы: 10.00–20.00
Перерыв с 13.00 до 14.00
Выходной день – воскресенье

Павильон! Это мы умеем: вонючую пивнушку назвать павильоном, душную утробу автобуса – салоном, сарай с ободраным киноэкраном – Дворцом культуры. Павильон... Его соорудили прямо на моих глазах: варили из металлических труб и листового железа, а потом красили в ненавязчивый серый цвет. Но тогда никто и не догадывался, что это будет пивная! Думали, ну – вторсырье, ну – в лучшем случае, овощная палатка. Даже спорили на бутылку, но никто не выиграл, никому даже в голову не залетало: ПИВНОЙ ПАВИЛЬОН!

А происходило все это пятнадцать, нет, уже шестнадцать годиков назад. Я только-только окончил институт и распределился в только-только созданный вычислительный центр «Алгоритм». Если помните, страна в то время переживала эпоху всеобщего «асучивания», и казалось, наконец-то найдено совершенное и безотказное средство против нашего неодолимого бардака: мол, ЭВМ не проведешь и не обманешь! Потом выяснилось, что для нашего бардака компьютеризация – то же самое, что накладная грудь и косметика для неудавшейся женщины... Но это поняли потом. А тогда мы шли в компьютеризацию, как в революцию, – с гордо задранной головой, бездумно-восторженным взором и лютой верой в скорую победу.

Первым весть о пивной, будто бы открывающейся в железном сооружении, принес Букин, наш местный алгоритмовский правдоискатель, отдававший все силы делу борьбы за справедливость, разумеется в рамках господствующего беззакония. К тому же, страдая почками, он абсолютно не пил – и это придавало его деятельности оттенок мученичества.

– Поздравляю! – горько сказал Букин, входя в машинный зал. – Будет пивная. Я видел, как разгружали автоматы!

– Ура-а! – завопили мы, вскочив со своих мест.

– Чего – ура?! – затрясся наш правдолюб. – Будет вам теперь – «Все об АСУ»...

Мы дружно заржали, ибо второй, сокровенный, смысл названия этого популярного в те годы справочника являлся предметом издевательств для целого поколения программистов. Но конечно, тревога Букина была обоснована: жил он от «Рыгалето» неподалеку, а во что превращаются подъезды домов вблизи пивных точек – общеизвестно. Но нам, молодым, веселым, умеренно выпивающим и живущим у черта на рогах, эти опасения Букина казались смешными, а грядущие нерукотворные моря в подъездах – по колено!

Зато только представьте себе: выйдя в 17.15 из нашего стеклянного ВЦ, где даже мыши не размножаются по причине всеобщей прозрачности, вы как бы между прочим заглядываете в свою пивную, привычно вдыхаете табачно-дрожжевой запах, подходите к автомату, напоми-

нающему Мойдодыра, дожидаетесь своей очереди (минут десять – вот были времена!), бросаете в светящуюся щелку монетку, предварительно подставив под кран личную кружку (гигиенично да и посуду искать не нужно), и нежно наблюдаете, как автомат, утробно крякнув, выдает вам одним пенным плевком триста восемьдесят пять граммов жигулевского пива, а поскольку ваша собственная кружка, в отличие от казенной, вмещает целый литр, можно повторить, как говорится, не отходя от первоисточника.

Конечно, нашу пивную павильоном мы не называли никогда. Смешно! Сначала безыкусно именовали «точкой», потом некоторое время – «гадюшником», года полтора держалось название «У тети Клавы» – по имени уборщицы, одноглазой старушки, которая смело бросалась разнимать дерущихся с криком: «У тети Клавы не поозоруеть!» Но вот выявился один замечательный завсегда – спившийся балерун из Большого театра. Интересно, что даже в совершенно пополамском состоянии он все равно ходил по-балетному – вывернув мыски. За дармовую кружку пива балерун охотно крутил фуэте и кричал при этом дурным голосом: «Р-риголетто-о-о!» Почему «Риголетто», а не, допустим, «Корсар» или «Щелкунчик», – никто не знал. Пивную начали называть «Риголетто», потом «Рыгалето», что в общем-то более соответствовало суровой общепитовской действительности. Сам балерун вскоре, весной, умер прямо на пороге нашей забегаловки, не дожив пяти минут до открытия, до 10.00, до реанимационной кружки пива. А название намертво пристало к нашему железному павильону, и, вспоминая того несчастного фуэтешника и видя, как все вокруг переименовывается вспять, я думаю о том, что не каждому удастся оставить после себя такой прочный след в жизни.

Заглянуть после напряженного рабочего дня в «Рыгалето» стало доброй и прочной традицией нашего ВЦ, конечно, в основном его мужской части. Нарушить этот обычай могло только стихийное бедствие или замызганная фанерка на двери:

ПИВА НЕТ

Если когда-нибудь задумают построить памятник жертвам великого эксперимента и даже объявят всесоюзный конкурс, я обязательно пошлю им свой вариант: циклопическая железная дверь, гигантский заржавленный замок и огромная фанерина с надписью: «ПИВА НЕТ».

Но тогда, в середине 70-х, эта табличка появлялась не так часто, как нынче, и в «Рыгалето» мы – нет, не отмечали, а именно обмывали пивом все мало-мальски заметные события нашей жизни: дни рождения, именины, повышения по службе, свадьбы, отпуска, прибавления в семьях, увольнения, разводы, торжественные проводы на пенсию и – в лучший мир... Это стало ритуалом – сгрудиться у высокого, круглого, пахнущего селедкой стола, поднять кружки и чокнуться, предварительно хором продекламировав стишок, неизвестно кем и неведомо зачем занесенный с идеологически выверенной детской новогодней елки:

За мир и счастье на планете,
За радость всех детей на свете!

В особенно торжественных случаях в пиво добавлялось немного водки, и от «ерша» мир становился звеняще-легким и восхитительно простым. Правда, ненадолго. Здесь, в «Рыгалето», мы обмыли и мою нежданную свадьбу, мои служебные взлеты и падения, рождение моей первой и последней дочери Вики, получение малогабаритной двухкомнатной квартиры в Южном Чертанове, обретение шести соток под Волоколамском... Одним словом, все те события, которые превращают молодого безответственного циника в ответственного циника средних лет, готового поддерживать любой, самый идиотский режим, если тот гарантирует незыблемость очередного отпуска. Да, мы были шумливы, веселы и нетребовательны: пьяные байки какого-нибудь полпреда-расстриги заменяли нам дальние странствия, а треск ломаемых солевых сушек – шелканье кастаньет.

Но вот уже несколько лет, как я стал тяготиться коллективными заходами в «Рыгалето». Нет, конечно, бывают ситуации, когда не отвертишься, приходится идти, поднимать кружку, декламировать ритуальный стишок, желать новых служебных побед или новых наследников, но если случается возможность, я заворачиваю сюда в одиночку. Знаете, хочется покоя и вдумчивости. И еще после работы нужно как-то перестроиться: из энергичного ведущего программиста, покрикивающего на симпатичных молоденьких операторш, плавно превратиться в тихого отца семейства, точно доходяга, экономящего каждый свои поступок, каждое свое движение. Супруга моя суровая Вера Геннадиевна и не догадывается, что почти каждая практикантка, направленная к нам в сектор, обязательно, хоть ненадолго, влюбляется в меня, вернее, в то, что от меня осталось с тех шикарных институтских времен, когда мои кавээновские шуточки повторялись на всех факультетах и курсах, а Ленька Пековский, беззастенчиво пользуясь принадлежащими мне каламбурами, хохмами и примочками, пытался охмурять даже аспиранток, не говоря уже об однокурсницах.

Итак, почти каждый вечер, прежде чем до утра сгинуть в ненасытной прорве семейного благополучия, я полчаса, а то и часик провожу здесь, в «Рыгалето». Стою и потихоньку из своей баварской кружки производства Дулевского завода фарфоровых изделий прихлебываю мутный желтый напиток, способный раз и навсегда лишит профессиональной чувствительности любого западного дегустатора пива. Но я не просто пью – я думаю. Мои размышления похожи на слоеный пирог: мысли существуют в некоем последовательно слипшемся единстве. Ну вот, например, несколько сегодняшних слоев:

– как усыпить бдительность доглядчивой супруги моей Веры Геннадиевны и так непридуманно отдать ей квартальную премию, чтобы она не заподозрила меня в сокрытии четвертака, необходимого для регулярных медитаций в «Рыгалето»;

– как уговорить дочь Вику продолжать посещение музыкальной школы, если она ненавидит ее примерно так же, как я некогда ненавидел хор мальчиков, куда меня воткнули родители, переболевшие в свое время страшным, с галлюцинациями и маниями, недугом под названием «Робертино Лоретти»;

– как понадежнее присобачить в ванной отвалившийся кафель, если клей БФ не держит, а под раствор нужно соскабливать окаменевший цемент, что приведет к повальному отлетанию плиток;

– как объяснить тот факт, что Ад и Рай очень легко представить в виде двух блоков памяти некоего гигантского компьютера? Причем первый блок хранит информацию о достойно прожитых жизнях, а второй, соответственно, – о прожитых паскудно. И благодать заключается в том, что хорошую информацию берегут. А возмездие – в том, что плохую информацию стирают. Хотя, возможно, все обстоит как раз наоборот. Именно в этом смысл воздаяния;

– как объяснить супруге моей опасливой Вере Геннадиевне, что нежелание иметь второго ребенка еще не повод для того, чтобы превращать брачное ложе в лабораторию противозачаточных исследований;

– как выпутаться из дурацкой ситуации с заказчиком, одним гнусным трестом, который хочет липовые квартальные отчеты выдавать не в убогой ветхозаветной машинописи, а для достоверности и радости начальства распечатывать свое бессовестное вранье на ЭВМ. Послать к чертям нельзя – Пековский голову оторвет, а делать – противно...

Ну и так далее.

«Слои» можно продолжать до бесконечности, но зачем? Во время размышлений я люблю оглядывать пивной зал, похожий на большой вокзальный сортир, где вместо писсуаров установлены пивные автоматы. Все остальное: запах, толчея, антисанитария – полностью соответствует вышепоименованному помещению. Впрочем, пиво сегодня неплохое, с горчинкой, наверное останкинское, а бадаевское – кислятина.

Еще мне нравится вслушиваться в шум переполненного зала, выхватывать обрывки разговоров, а если попадется интересный, постараться вычленив его из душного гула, словно русскую речь из шипения, писка, скрипа и басурманской скороговорки радиоприемника. В «Рыгалето» можно услышать что угодно – от сквернословного рассказа о производственном конфликте с гнидой-бригадиром до душераздирающей любовной истории, от парнокопытного мычания до искрометной полемики вокруг воззрений Пьера Тейяра де Шардена... Пиво, как и жизнь, любят почти все, поэтому здесь можно встретить и собирающего опивки бомжа, и доктора философии, интеллигентно пригубливающего из особым образом обрезанного молочного пакета.

– Ну и грязища! – кротко возмущается пожилой мужичок, с виду командированный: в одной руке он держит мыльно пузырящуюся кружку, в другой – чемоданчик, похожий на те, что бывают у электромонтеров. – Ну и грязища!

– Не в Париже! – беззлобно отвечает ему человек с фиолетовым лицом.

И мне совершенно ясно, что «Париж» – последнее географическое название, чудом зацепившееся в его обезвреженных алкоголем мозгах.

– Да уж... – соглашается командированный и, зажав чемодан между коленей, чтобы не ставить его на загаженный пол, присасывается к кружке. – Да уж точно – не в Париже!.. – добавляет он, оторвавшись от пива, чтобы перевести дух.

Надо ли объяснять, что ни тот ни другой в Париже никогда не были. Для них это – просто звучный символ, таинственное место вроде Беловодья или Шамбалы, где люди существуют по иным, замечательным законам, где пол в пивных настолько чист, что можно безбоязненно ставить чемодан, и где посетители никогда не допивают до дна, давая возможность лиловым бомжам поправиться и захорошеть.

А вот я в Париже был. Честное слово! Обычно я никогда не рассказываю об этом, особенно здесь, в «Рыгалето». Грустная история. Помните у Маяковского:

Неудачник не тот, кого рок грызет
И соседки пальцем тычут, судача.
Неудачник – тот, кому повезет,
А он не сумеет схватить удачу!

Сказано точно про меня. Про мою парижскую любовь. Знаете, я иногда думаю, что удачливость – это не стечение жизненных обстоятельств, а просто черта характера, как, например, искренность, злобность, отходчивость... Вы согласны? Да? Значит, у нас много общего. И я, пожалуй, расскажу вам... Только подождите – сначала схожу налью еще пива, а вы держите мое место, никого не пускайте, если будут лезть, говорите: «Он сейчас придет!» Моя кружка вмещает литр... А ваша?..

2

В Париж меня направили единогласным решением профсоюзного собрания. Ей-богу! Было это в 1984-м, в усть-черноярский период нашей колготной истории. Помню, я даже не хотел идти на это самое собрание. Дело в том, что у одного завсектором тогда родился ребенок и младенца нужно было срочно обмыть в «Рыгалето». Я, разумеется, вызвался тут же проследовать в пивную, занять места и охранять их, покуда не кончится вся эта профсоюзная говорильня. Но мне возразили, что каждый из нашей компании уже выступил с подобным предложением, что я не умнее других и что если заседать, то всем вместе, а если линять, то тоже сообща. Сами понимаете, восемь человек, мимо актового зала идущие пить пиво, – это уже политическая демонстрация. Но я, между прочим, к нашим тогдашним идеологическим играм относился вполне лояльно: мы томились на собраниях три-четыре раза в месяц, а мусульмане творят намаз по несколько раз на день. Как говорится, от добра добра не ищут.

Как сейчас помню, в президиуме за кумачовым столом сидели секретарь партбюро, председатель профкома, престарелый директор ВЦ и его заместитель Леонид Васильевич Пековский, а также некоторое количество рядовых сотрудников в качестве физиологического раствора. Первым докладывал председатель профкома. Он толково разъяснил нам принципы распределения благ, которыми общество щедро осыпает наш «Алгоритм», и, надо отметить, полностью убедил меня в родниковой справедливости этих принципов, но я так и не понял, почему тем не менее блага непременно оказываются в загребущих руках наших начальников и их ближайшего окружения. Мне, грешному, например, за последние пять лет один-единственный раз выдали профкомовскую путевку в дом отдыха «Березки» зимой, на двенадцать дней. Оттуда я привез домой ужасных рыжих тараканов, вывести которых было просто невозможно, так как в доме отдыха их регулярно травили и, видимо, наконец вывели популяцию, абсолютно невосприимчивую к любым ядохимикатам. Опасливая супруга моя Вера Геннадиевна заявила, что сегодня я принес в дом тараканов, а завтра притащу какую-нибудь заразу похлеще, и на две недели отлучила меня от своего белого тела. Эту форму внутрисемейного воспитания она освоила еще в первые годы нашего супружества, но с тех пор воспитательный эффект сильно ослабел. Кстати, Вика шепнула мне: если я принесу домой что-нибудь похлеще, например котенка или щенка, то она будет просто счастлива!

После профорга выступил по вопросам трудовой дисциплины заместитель директора ВЦ Леонид Васильевич Пековский. Ленька Пековский. Пека. Мы выросли с ним в одном дворе, где возле старинного тополя тихо ржавел и разворовывался «опель», привезенный из поверженной Германии каким-то офицером, вскоре после этого умершим. Мы учились в одном классе, где на стенах висели неизменные портреты основоположников: две окладистые бороды и одна поменьше – клинышком.

Потом мы поступили в один и тот же институт, где хохотали над чудачествами одних и тех же профессоров и заглядывались на одних и тех же длинноногих однокурсниц. А вот однокурсницы, вы не поверите, поглядывали на меня, а не на Пековского, хотя стараниями внешторговского дяди одет он был всегда изрядно, даже под брюками в морозы носил не темно-синие трусики, как мы, грешные, а разымпортные мужские колготы. Но в те бескорыстные студенческие времена это не вызывало ничего, кроме молодого буйного смеха. Не то что теперь...

После института распределили нас в одно и то же место – в «Алгоритм». Наши столы стояли рядом, мы засиживались допоздна, мучаясь над какой-нибудь трудной задачей, тайком распечатывали для друзей гороскопы и руководства по сексуальной гармонии, а вечерами вместе заходили в «Рыгалето».

Но потом Пека стал расти не по дням, а по часам – старший, ведущий, заместитель заведующего, заведующий и так далее. В институте на последнем курсе он женился на трогательной

морской свинке – дочке крупного партийного босса. За развал работы в регионе впоследствии босса законопатили в заместители председателя Всесоюзного комитета информатики, чего Пека, естественно, предвидеть не мог, а просто ему, как всегда, повезло. Ранний брак обременял Пеку примерно так же, как тонюсенькое обручальное кольцо на безымянном пальце, он сибаритствовал, тщился вовлекать в интимную близость наших алгоритмовских дам, вслед за мной называя это бескорыстной гормональной поддержкой одиноких женщин.

Я к тому времени тоже окольцевался – женился на девушке только за то, что она совершенно не реагировала на мое общепризнанное остроумие. Сравнивая ее с разными доступными хохотушками, я вдруг понял: эта утонченная серьезность есть знак высшей душевной и нравственной организации. Результатом стал марш Мендельсона, сыгранный ленивыми музыкантами в Грибоедовском дворце. Когда же выяснилось, что эта утомительная серьезность есть всего лишь признак отсутствия чувства юмора, в кроватке за веревочной сеткой уже пищал вырвавшийся на свободу эмбрион по имени Вика, а я сам каждое утро мчался на соседнюю улицу, звеня маленькими младенческими бутылочками, так как у невозмутимой супруги моей Веры Геннадиевны, помимо чувства юмора, отсутствовало еще и молоко. В семь часов вечера мне нужно было возвращаться домой и заваривать в кастрюльке череду для купания дочери, однако и в те трудные времена я умудрялся заглядывать в «Рыголето» хотя бы на минуточку. Но Пековского я там больше не встречал: по мере служебного роста он приохотился к фешенебельным «Жигулям», что на Арбате, задружился с тамошними мэтрами и проходил в труднодоступный бар, минуя постоянную длиннющую очередь.

И вот Леонид Васильевич Пековский, одетый в серый твидовый пиджак, вишневый пуловер и нежно-фисташковую рубашку, постукивая по красной скатерти зажигалкой и скашивая глаза на свои швейцарские часы, с иронической полуулыбкой вещал нам о трудовой дисциплине как основе социалистического производства. Женщины слева от меня, отложив вязанье, с придыханием обсуждали изумительный галстук Пековского и тот неоспоримый факт, что от него всегда пахнет дорого и волнительно, а мужчины справа от меня, оторвавшись от кроссвордов, спорили, сколько может стоить его электронная японская зажигалка.

– Вопросы есть? – в заключение лениво полюбопытствовал Пековский и притронулся к губам носовым платком, совершенно случайно совпадавшим по тону с галстуком. Обращение носило чисто риторический характер, ибо все разговоры о трудовой дисциплине были жалким ритуальным осколком полузабытого мистического энтузиазма первых пятилеток.

– Есть вопросы! – вдруг вскочил со своего места наш правдолюб Букин.

Он всегда напоминал мне дружинника, который бросается защищать подвергшуюся нападению хулиганов девушку именно в тот момент, когда честь, возможно, уже утрачена, но зато из-за угла как раз показался «москвичок» с нарядом милиции.

– Пожалуйста, – недоуменно кивнул Пековский и вынул из кармана записную книжечку с золотым обрезом.

– Доколе?! – возопил Букин, сжимая в карманах кулаки.

– Конкретнее! – поморщился секретарь партбюро.

– Доколе, – гневно уточнил Букин, – вы, товарищ Пековский, будете беспардонно использовать в корыстных целях свое служебное положение, занятое вами исключительно благодаря кумовству и протекционизму?

Представьте себе на минуточку хлипкого молодого человека, который, отнаблюдав схватку двух каратистов, демонстративно подошел к победителю и плюнул ему в глаз! Представили? А теперь вообразите последствия. Вообразили? Примерно то же самое я подумал и о Букине.

– Что вы имеете в виду? – спокойно спросил Пековский.

– Что я имею в виду? – с истерическим сарказмом передразнил Букин, двигая кулаками в карманах. – Нет, я не имею в виду вашу четырехкомнатную квартиру, полученную вне всякой

очереди. Я не имею в виду служебную дачу, которая – я выяснял! – вам не положена. Я не имею в виду «трешку», купленную вами в обход всех списков. Но я имею в виду тот факт, что из двух туристических путевок во Францию, выделенных на «Алгоритм», одну вы втихаря присвоили себе! Извольте объясниться!

Извергнув все это из недр своей алчущей справедливости души, Букин вынул из карманов побелевшие от напряжения кулаки и сел на место. В зале воцарилась полная тишина, и лишь слышался шорох передаваемой из рук в руки газеты. Когда измятые «Известия» дошли до меня, я прочитал отчеркнутое красным фломастером малюсенькое извещение о том, что заместитель председателя Всесоюзного комитета информатики имярек освобожден от занимаемой должности в связи с уходом на пенсию. Пековский конечно же уловил движение в зале, заметил газету, открыто улыбнулся и сказал, что товарищ Букин напрасно волнуется – со следующего месяца все путевки будут распределяться гласно, на собраниях...

– А почему со следующего? – взвился Букин. – Вы сколько раз в этом году за рубеж выезжали?!

– Ну, четыре... – вздохнул Пековский и сделал скучное лицо.

– Нет, пять! – поправил кто-то из зала.

– Да, действительно... Я забыл про Болгарию... – согласился он, немного смущенный такой широкой осведомленностью своих подчиненных.

– Пять! – по всем правилам ораторского искусства подхватил неугомонный Букин. – Пять! А вот... – Он пошарил глазами по залу. – А вот... ты... – Его лицо напряглось в поиске. – А вот ты, Гуманков, ты хоть раз в жизни выезжал за рубеж?

– Я? – переспросил я.

– Да, ты!

Почему он выбрал именно меня? Ведь в зале сидели почти две сотни советских граждан, никогда не пересекавших государственную границу СССР. Может быть, он выхватил меня, потому что в тот день я был при ярко-зеленом галстуке, который где-то оторвала добычливая супруга моя Вера Геннадиевна?

«Он тебя освежает», – отводя взгляд, диагностировала она. Эту хитрость – включить в мою одежду элементы, специально призванные отпугивать других женщин, я разгадал давно: сорочка с жеваным воротничком, брюки с двойной стрелкой, куцые носочки, а в том памятном случае, как вы сами понимаете, галстук цвета взбесившегося хамелеона.

Итак, на вопрос вошедшего в раж Букина я скорбно сообщил, что за рубежами Отечества не бывал ни разу.

– Ни разу! – зловещим эхом повторил Букин. – Гуманков! Лучший программист! Ни разу! Где социальная справедливость?

– Неужели ни разу? – огорчился Пековский и приветливо кивнул мне головой. – Но ничего не поделаешь – документы ушли на оформление. Я сожалею...

– Товарищи! – закричал Букин. – Неужели мы допустим, чтобы Пековский поехал в шестой раз, а Гуманков...

– Не допу-у-стим! – взревел зал. – Гуманков! Гуманков! Гу-ман-ков!

Я подумал, что именно так некогда поднимали людей на баррикады. Моя фамилия неожиданно превратилась в лозунг, знамя, призыв, наподобие «Мир – хижинам, война – дворцам!», в результате чего одинаково хреново пришлось и дворцам, и хижинам.

– Голосуем! – скомандовал Букин, полностью узурпировавший власть у президиума во главе с оцепеневшим от неожиданности директором ВЦ. Впрочем, возможно, это была и обычная старческая прострация: все-таки семьдесят годков не подарочек.

– Вы не успеете оформить Гуманкова, – вяло возразил Пековский. – Не поедет никто!

– Пусть лучше никто, чем вы! – парировал Букин. – Кто за Гуманкова?!

Как говорится, взметнулся лес рук. Единогласно. Букин смотрел на меня с торжеством, Пековский – с тоской, смысл которой стал мне ясен лишь позже.

– А кто едет по второй путевке? – вдруг послышался из зала голос, полный надежды на еще одно чудо.

– Муравина... – ответил председатель профкома.

– Кто такая? Не знаем...

– Она работает в филиале. Отличный программист. Активная общественница. К тому же мать-одиночка...

На мать-одиночку рука не поднялась ни у кого.

3

После собрания, совершенно забыв про новорожденного, мы обмывали в «Рыгалето» мою будущую поездку в Париж. Даже непьющий Букин увязался за нами, чтобы послушать восторги по поводу собственного мятежного красноречия и подольше полюбоваться мною – мучительным плодом его любви к справедливости. Захорошев, друзья начали давать мне советы, суть которых сводилась к тому, что самое главное в групповом туризме сразу разобраться, кто из органов, а кто собирается «соскочить», – и держаться подальше от обоих.

– А как узнать? – недоумевал я.

– Ничего сложного: увидишь – догадаешься!

Вернувшись домой, я застал бдительную супругу мою Веру Геннадиевну гонящейся с тапочком в руке за одним из тех неуморимых тараканов, импортированных из «Березок».

– Картошки не было! – доложил я первым делом, так как с утра имел приказ купить пять килограммов.

– А картошки в пивных никогда и не бывает! – пожала плечами жена.

– Прости, я просто забыл... Мне сегодня на собрании... выделили путевку!

– Ты хочешь к рыжим тараканам добавить черных?

Кстати, воспользовавшись моим появлением, гонимое насекомое юркнуло под диван, который, вероятно, в их тараканьей картине мироздания именовался «Великий свод спасения» или еще как-нибудь в этом роде.

– Думаю, там, куда я еду, тараканов нет! – по возможности загадочно ответил я.

– Будут. А куда ты едешь?

– В Париж!

– Вы переименовали «Рыгалето» в «Париж»? – предположила язвительная супруга моя Вера Геннадиевна, вставая с пола и надевая тапочки.

– Нет, честное слово, – я еду в Париж. По турпутевке. Вместо Пековского...

– Да, я читала про его тестя. Посмотрим, как этот плейбой теперь повернется! Но почему именно ты? Тебя же никогда никуда...

– Именно поэтому.

– А сколько стоит путевка?

– Не знаю, но обычно профком оплачивает процентов пятьдесят...

– М-да... Послушай, Гуманков, давай лучше по этой путевке поеду я...

– Нельзя. Она именная! – ответил я наобум и, видимо, убедительно.

– Ну конечно... Я не подумала. Иди мой руки – будем ужинать...

Когда мы поженились после полугода томительного скитания по вечерним киносеансам и незнакомым подъездам, моя молодая неулыбчивая жена умела только варить суп из концентратов и жарить яичницу-глазунью. Многомудрая теща, с которой мы жили первые годы, считала, что чрезмерная подготовленность женщины к браку развращает мужа, оттесняя его от полезного семейного труда. Со временем Вера Геннадиевна, конечно, освоила и борщи, и котлеты, и пироги, но делала все это без души, словно тяжкую повинность, наложенную на слабый пол самой природой.

Итак, я дернулся в ванную, чтобы ополоснуть руки, но там было занято.

– Кто это? – послышался изнутри голос моей единственной дочери Виктории – грядущей жертвы женского равноправия.

– Дядя Вася с волосатой спиной! – ответил я раздраженно. – Открой, мне нужно вымыть руки.

– Я голая! – жеманно сообщила мне моя восьмилетняя дочь.

– Одетьми не купаются...

- Я стесняюсь...
- У тебя там и смотреть-то не на что!
- Откуда ты знаешь?
- Видел.
- Когда?
- В детстве.
- Значит, ты тоже подглядывал за девочками?!
- Конечно.
- Тогда мой руки в кухне, подсмотрщик.

На кухне меня ожидала тарелка гречневой каши, политой остатками печеночной подливки. Гречневую кашу я ненавидел с детства, с тех самых пор, когда посещал детский сад завода «Пищеконцентрат», где нас кормили почти исключительно гречкой и укормили на всю оставшуюся жизнь.

– Опять? – не удержавшись, спросил я и был крайне удивлен, ибо вместо привычного ворчания о том, что она тоже ходит на службу и к каторжным работам на кухне ее никто не приговаривал, непредсказуемая супруга моя Вера Геннадиевна вдруг предложила поджарить отбивную и отварить картошечки. Еще удивительнее было то, что она даже намеком не коснулась своей излюбленной темы – моего обозначившегося живота. Нет, пока только животика.

– От картошки толстеют... – засомневался я.

Но вместо того чтобы уесть меня традиционным сарказмом по поводу исключительной малокалорийности пива, она молча вывалила в мойку последние корнеплоды и начала срезать кожуру. Тогда – окончательно проясняя ситуацию – я подошел к холодильнику, достал банку консервированных огурцов и, не спросив позволения, открыл ее. Я-то знал, что огурцам уготована иная, празднично-салатная судьба, и ждал взрыва негодования, но его не последовало.

– Гуманков, – абсолютно ласково спросила Вера Геннадиевна, – ты меня разыгрываешь с Парижем?

– Клянусь!

– Тогда я должна позвонить! – серьезно ответила она, покидала в кипящую воду кубически оструганные картофелины и ушла к своему ненаглядному, обожаемому, нежно любимому аппарату. Думаю, если наладить выпуск телефонов определенной формы, множество женщин полностью откажутся от общения с мужчинами.

Тем временем из ванной появилась Вика – в длинном материнском халате и тюрбане, сооруженном из мокрого полотенца. Она изумленно посмотрела на початую банку огурцов и, запустив туда руку, выловила два, покрупнее. Любит соленое, как и отец: все-таки мои гены покрепче Веркиных оказались!

– Игрушки из ванны вынула? – строго спросил я.

– Вынула, – кивнула она, рассматривая зернистую полость огурца. – У меня есть вопрос!

– Если уроки сделала, то – пожалуйста! – разрешил я.

Дело в том, что, по заключенной между нами конвенции, каждый вечер она имела право задать мне один вопрос на любую волнующую ее тему. На любую! Идя на этот отцовский подвиг, я побаивался, но оказалось, аистово-капустные вопросы занимают совершенно незначительное место среди волнующих ее детское воображение проблем.

– Как ты думаешь, – спросила Вика, – в следующей жизни у меня будут такие же волосы или другие?

Вика получила у нас светленькой.

– В следующей жизни ты вообще можешь оказаться лягушкой, если будешь вести себя кое-как!

– Ну а если я буду снова человеком, – поморщилась она от моей дешевой дидактики, – какие у меня будут волосы?

– Любые. Никто не знает. Может, ты вообще родишься курчавой негритянкой... Или индианкой...

– Но если я буду негритянкой, то это буду уже не я?!

– Конечно!

– Тогда это просто глупо!

– Что именно?

– Хорошо себя вести, прилежно учиться, помогать маме... А волосы твои достанутся какой-нибудь негритянке!

Поздно вечером позвонил Пековский, чего давно уже не случалось. Трубку, естественно, сняла Вера Геннадиевна, нетерпеливо ожидавшая звонка своей подружки-сплетницы. Но и с Пековским у нее нашлись общие темы. Ворковали они долго, и по тому, как моя благоверная охала, вздыхала и похохатывала, я догадался, что Пеке от меня что-то нужно. Наконец к нагревшемуся аппарату был допущен и я. Пековский с заливистым смехом вспомнил сегодняшнее собрание, передразнивал возмущенные бормотания нашего полуживого директора, а потом заверил, что искренне рад за меня и даже готов помочь с оформлением документов.

– Сам ты не успеешь, – предупредил он. – Неси шесть фотографий для загранпаспорта. Не перепутай – для загранпаспорта, в овале. Заполняй анкету. Остальное я беру на себя. Жаль, если никто не поедет, – все-таки Париж!

– Спасибо! – ответил я таким тоном, дабы он понял: мне за тридцать, и я давно усвоил, что просто так на этой земле ничего не делается.

– Ерунда! – засмеялся он. – Мы же давние друзья...

– Давнишние... – на всякий случай уточнил я.

– Ну, если ты такой щепетильный, – посерьезнел Пека, – я тебя тоже кое о чем попрошу...

– О чем?

– Узнаешь... Потом...

В последний раз он просил меня лет семь назад: речь шла о симпатичной и веселой практиканточке, чрезвычайно ему понравившейся. Я, конечно, не стал мешать, но у него все равно ничего не вышло, потому что девушку страшно смешила манера Пековского заглядывать в попутные зеркала и проверять незыблемость своего зачеса...

4

Пековский сдержал слово: документы были оформлены на удивление быстро и легко. Пара собеседований, пяток справок, трижды переписанная анкета, маленькая неразбериха с фотографиями – все это, как вы понимаете, просто пустяки. Кроме того, он настоял на том, чтобы профком, к радости скаредной супруги моей Веры Геннадиевны, оплатил мне не пятьдесят, как обычно, а сто процентов стоимости путевки, нажимая на то, что в поездку меня выдвинул коллектив, – а значит, ее можно считать одноразовым общественным поручением. «Какой благородный мужчина!» – взволнованно шептали собравшиеся перекурить алгоритмовские дамы, когда Пековский, обдав их волной настоящего «Живанши», деловито проходил по коридору. «Что же он за все это у меня попросит?» – гадал я.

Организационно-инструктивное собрание нашей спецтургруппы имело место быть в белокаменном городском Доме политпросвета, в просторной комнате для семинарских занятий, где все стены увешаны картинками из жизни Ленина, который, как известно, лучшие свои годы провел в дальних странах. За полированным преподавательским столом капитально возвышался руководитель нашей спецтургруппы товарищ Буров – человек с малоинформативным лицом и райсоветовским флажком в петличке, сразу дающим понять, какое положение занимает его обладатель в обществе, – так же как размер палочки, протодетой сквозь ноздрю, определяет иерархию папуаса в племени чу-мў-мри. Товарищ Буров, очевидно, лишь недавно научился говорить без бумажки и потому изъяснялся медленно, но весомо.

Кстати, войдя в комнату для семинарских занятий, он так и отрекомендовался: «Руководитель специализированной туристической группы товарищ Буров». И хотя я с детства люблю давать людям разные забавные прозвища, в данном случае пришлось, открыв блокнот, записать кратко и уважительно:

«1. Товарищ Буров – рукспецтургруппы».

А возле нашего могущественного начальника, изнывая от подбострастия, вился довольно-таки молодой человек, одетый с той манекенской тщательностью и дотошностью, которая лично у меня всегда вызывает смутное предубеждение. Похожие ребята на разных там встречах в верхах, протокольно улыбаясь, услужливо подносят шефу «паркер» или нежно прикладывают пресс-папье к исторической подписи. Но у заместителя руководителя спецтургруппы Сергея Альбертовича – а это был именно он – улыбка напоминала внезапный заячий испуг, что, видимо, резко сказалось на его карьере: какой-то референт в каком-то обществе дружбы с какими-то там странами – так представил его нам товарищ Буров.

Я немного подумал и записал в блокноте:

«2. Друг Народов, замрукспецтургруппы». Друг Народов то вскакивал со стула, то снова садился, то вглядывался в часы, которые вынимал из жилетного кармана, а то, выставив свои заячьи зубы, начинал что-то нежно шептать товарищу Бурову. Тот выслушивал его с державной непроницаемостью и медленно кивал. Я огляделся: в комнате, кроме меня и руководства, сидели еще пять человек – четверо мужчин и одна женщина. В проходе, между столами, виднелась ее наполненная хозяйственная сумка, и женщина явно нервничала, так как инструктивное собрание все никак не начиналось, а ей, очевидно, нужно было поспеть в детский сад и забрать ребенка еще до того, как молоденькие воспитательницы, торопящиеся домой или на свидание, начнут с ненавистью поглядывать на единственного оставшегося в группе подкидыша. А может быть, подумал я, она торопится, чтобы забрать ребенка не из детского сада, а из школы, из группы продленного дня? Трудно сказать наверняка: блондинки иногда выглядят моложе своих лет.

– А кого ждем? – решил я прояснить обстановку.

– Вы спешите? – сурово спросил товарищ Буров.

– Нет...

– Тогда обождите. Вопросы будете задавать, когда я скажу...

В этот миг дверь распахнулась, и в комнату вступила пышная дама лет пятидесяти с высокой, впросинь, прической, еще пахнувшей парикмахерской. Одета она была в тот типичный импортный дефицит, который является своеобразной униформой жен крупных начальников.

– Разве я опоздала? – удивилась вошедшая.

По тому, как засуетился Друг Народов, а товарищ Буров привел свое лицо в состояние полной уважительной приветливости, я утвердился в догадке, что вновь прибывшая дама – жена большого человека. Именно жена, для самодостаточной начальницы на ней было слишком много золотища и ювелирщины.

– О чем вы говорите! – вскричал замрукспецтургруппы, целуя Н-ской супруге руку. – Как раз собирались начинать...

– Везде такие пробки... Даже сирена не помогает! – приосанившись, объяснила она.

«3. Пипа Суринамская», – записал я. Это такая тропическая лягушка (ее недавно показывали в передаче «В мире животных»), она в зависимости от ситуации может раздуваться до огромных размеров, но, бывает, и лопается от натуги.

– Ну что ж, начнем знакомиться? – радостно выпростав зубы, спросил Друг Народов и выжидающе глянул на рукспецтургруппы, а тот, помедлив для солидности, разрешающе кивнул головой, как лауреат-вокалист кивает нависшему над клавиатурой концертмейстеру:

– Не возражаю.

– Я буду читать список, – объяснил Друг Народов. – А вы будете откликаться. Договорились? Войцеховский Николай Иванович, летчик-космонавт...

Никто не отозвался, а товарищ Буров, нацепивший очки, чтобы следить за переключкой по личному списку, раздраженно поглядел на заместителя поверх оправы.

– К сожалению, – спохватился Друг Народов, – товарищ Войцеховский... Одним словом, вопрос, полетит ли он с нами в Париж или без нас в космос, решается... Он в дублирующем составе... Поэтому...

– Поэтому переходите к следующему пункту! – строго посоветовал товарищ Буров.

– Следующий – Дудников Борис Захарович...

Встал толстенький молодящийся дядя с ухоженной лысиной, одетый в лайковый пиджак и украшенный ярким шейным платком. Всем видом он так напоминал творческого работника, что я сразу догадался: из торговли. Так и оказалось – заместитель начальника Кожгалантерей-торга.

– В случае чего мы вас за космонавта выдадим! – хохотнул Друг Народов, но, не найдя отзова на лице товарища Бурова, осекся.

А я записал в блокноте:

«4. Торгонавт».

– Епифанов Михаил Донатович, – продолжил Друг Народов. – Заведующий кафедрой философии. Профессор.

На эту фамилию откликнулся седоволосый субъект в реликтовых круглых очках, академически залоснившимся костюме и даже с авторучкой в нагрудном кармане пиджака.

– Учтите, – предупредил его товарищ Буров. – В случае дискуссий вы, как специалист по истмату...

– Диамату, – вежливо поправил профессор.

– Не имеет значения. Как специалист – вы наш главный боец!

– Не подведу! – с какой-то непонятной для философа готовностью отозвался Донатыч.

«5. Диаматыч», – записал я.

– Муравина Алла Сергеевна. Вычислительный центр «Алгоритм». Инженер-программист, – объявил Друг Народов.

Поднялась блондинка, торопившаяся в детский сад или школу, и оказалась весьма стройной.

- Это я, – сказала она.
- Мы видим, – одобряюще кивнул товарищ Буров. – Языком владеете?
- Немного...
- Будете в активе руководства.
- А что это значит?
- Вам объяснят. Садитесь.

«6. Алла с Филиала», – пометил я в блокноте и подумал, что женобес Пековский не случайно хотел прокатиться в Париж вместе с этой симпатичной блондинкой, более того – в последнее время он постоянно пропадает на филиале якобы в связи с острой производственной необходимостью. Теперь все встает на свои места. К тому же гражданка Муравина – мать-одиночка, а Пековский смолоду специализируется на брошенках: никаких ревнивых недоразумений и слезы благодарности по утрам.

– Мазуркин Анатолий Степанович, рабочий Нижне-Тагильского трубопрокатного комбината, кавалер ордена Трудового Красного Знамени, – прочитал Друг Народов.

– Тут! – вскочил маленький жилистый мужичок с огромным кадыком, норотившим все время уползти и спрятаться за огромный галстучный узел.

- Вот и гегемон у нас появился! – улыбнулся заячьими зубами Друг Народов.
- Как с планом? – с государственной заботой поинтересовался рукспецтургруппы.
- А куда, на хрен, он денется? – ответил гегемон прокуренным голосом.

«7. Гегемон Толя», – тут же записал я.

– А еще? – спросил товарищ Буров. – Кто у нас еще из основных категорий?

– Еще у нас колхозное крестьянство представлено! – сообщил замрукспецтургруппы. – Паршина Мария Макаровна, бригадир доярок колхоза «Калужская заря».

- Где?
- Еще не приехала. Председатель не отпускает – коров доить некому...
- Возьмите на контроль! – приказал товарищ Буров.
- О чем вы говорите! Можете не беспокоиться!

Я поразмышлял и решил отсутствующей бригадирше дать условное имя:

«8. Пейзанка».

– А теперь у нас пошла творческая интеллигенция, – сообщил Друг Народов. – Кирилл Сварщик, поэт, лауреат премий имени Элиота Йельского университета и имени Василия Каменского Астраханского обкома комсомола.

– Приветик!

Поэт встал и раскланялся с добродушием своевременно похмелившегося человека. Одет он был в ярко-желтую замшевую куртку, но воротник и плечи по причине длинных жирных волос выглядели словно кожаные. Между прочим, про этого парня я слышал. Он входил в группу поэтов-метеористов, которые объявили: все предыдущие поколения просто входили в литературу, а они ворвались в нее, что ваши метеоры.

«9. Поэт-метеорист», – зафиксировал я.

– Учтите, главное за границей – дисциплина! – предупредил товарищ Буров, недоверчиво оглядывая Поэта-метеориста.

– Мне уже говорили! – отозвался тот довольно независимо.

– И наконец – Филонов Борис Иванович, специальный корреспондент газеты «Трудовое знамя»! – объявил Друг Народов голосом конферансье, старающегося замять какую-то накладку в представлении.

Это был бородатый плечистый молодой человек в джинсах, штормовке и с фоторепортерским коробом через плечо. Он встал и шутливо поклонился на все четыре стороны, как боксер на ринге.

– В каком отделе работаете? – смерив его взглядом, спросил товарищ Буров.

– В отделе коммунистического воспитания.

– У Купрашевича?

– У Купрашевича.

– Понятно... – кивнул наш руководитель, взглядом осуждая цепочку на шее спецкора («10. Спецкор», – успел записать я). – Будете, товарищ Филонов, в активе руководства! Пропагандистом.

– Лучше контрпропагандистом! – подсказал Спецкор.

– Не возражаю. Поможете составить отчет о поездке.

– Запросто! Мне все равно в конторе отписываться...

– Товарищи! – вдруг воззвал рукспецтургруппы, медленно вставая, и я понял, что начинается тронная речь. – Каждый советский человек, выезжающий за рубеж, – это полпред нашего, советского образа жизни...

Пока он нудил о пропагандистском значении предстоящей поездки и о взглядах всего прогрессивного человечества, обращенных на нас, я поймал себя на мысли, что – хоть убей – не могу вот так, с ходу определить, кто из собравшихся в комнате стукач, а кто собирается соскочить. Любого можно было заподозрить как в том, так и в другом. За исключением, пожалуй, Аллы с Филиала.

– ...так что прежде всего мы едем в Париж работать! – закончил товарищ Буров, пристукинув ладонью по столу. – Вопросы есть?

– Есть.

– Спрашивайте.

– А я? – спросил я.

– Кто – я? – уточнил Друг Народов.

– Гуманков...

– А вы разве в списке?

– Нет.

– В чем же тогда дело?

– В этом и дело.

– Откуда вы?

– Из ВЦ «Алгоритм»... Вместо Пековского...

– Так вы же не успели оформить документы...

– Успел...

– М-да, – буркнул товарищ Буров, нехорошо глянув на заместителя, а потом конфузно на Пипу Суринамскую, которая, в свою очередь, с таким гневным интересом углубилась в разноцветный «Огонек», словно нашла там антисоветчину.

– Я вообще не понимаю, как на одну организацию могли выделить две путевки! Это – нонсенс!.. – громко возмутился Друг Народов.

– Помолчите! – перебил его товарищ Буров.

Вот и все. Спецтургруппа смотрела на меня с состраданием и облегчением, будто в меня только что угодила шальная пуля «дум-дум», а могла ведь попасть в любого. Впрочем, эта история с нежданно-негаданно обломившимся мне Парижем была настолько чужеродна для моей заунывной жизни, что подобного бесславного окончания и следовало ожидать.

– До свидания! – сказал я, вставая.

– Обождите, – остановил меня товарищ Буров. – Это вас собрание выдвинуло?

– Меня...

– Ладно, будем считать вас в резерве.

– Как это?

– А так. Если космонавт Войцеховский полетит... Вернее, если он не полетит... Одним словом, слушайте ТАСС.

– Понял, – усмехнулся я и с негодованием посмотрел в сторону Аллы с Филиала.

Она покраснела и отвернулась к окну. Мне было совершенно ясно: на мое кровное место вперли эту толстомясую Пипу Суринамскую, чтобы подмазаться к ее крупняку-мужу, но злился я почему-то на уставившуюся в окно очередную пассию любострастного Пеки.

– Записывайте, – распорядился Друг Народов. – Завтра здесь же в это же время будет лекция о международном положении и политической ситуации во Франции. Явка строго обязательна. А теперь поднимите руки те, кто никогда не был за границей.

Руки подняли я (в качестве резерва), Гегемон Толя, Торгонавт и Алла с Филиала.

– А теперь те, кто был в соцстранах.

Руки подняли Диаматыч, Поэт-метеорист и Пипа Суринамская.

Наши руководители озабоченно переглянулись, и товарищ Буров медленно кивнул головой.

– Записывайте, – распорядился Друг Народов. – Водка (или коньяк) – две бутылки. Колбаса сухая – один батон. Белье – три пары...

5

Буквально до последнего момента я пребывал в полной неизвестности: еду – не еду... Непонятно... Я исправно ходил на все лекции, беседы, инструктажи в Дом политпросвета, с меня даже взяли пятнадцать рублей на общественные сувениры, но красную шапочку с надписью «СССР – Франция», в отличие от других, я не получил. Спецкор, оказавшийся остроумцем, называл меня резервистом, а Алла с Филиала при встрече отводила глаза, и я никак не мог определить, какого они у нее цвета. Космонавт Войцеховский в Доме политпросвета не появлялся, но и от поездки тоже не отказывался, хотя однажды его показали по телевизору крутящимся на центрифуге. На работе меня донимали предложением написать куда-нибудь коллективный протест, Пековский уверял, что все будет тип-топ, а дома супруга моя недоверчивая Вера Геннадиевна смотрела на меня как на дауна, сожравшего по рассеянности выигранный лотерейный билет.

За два дня до отъезда, поздно вечером позвонил Пека. Трубку совершенно случайно взял я.

– Он на орбите. Завтра о нем будет в газетах.

– Врешь! – не поверил я.

– У парня из основного состава обнаружили простатит. Представляешь, как обидно! Говорят, он уже чехлы для «волги» купил. Им за успешный полет, кроме цапек, «волгу» выдают...

– Откуда ты все это знаешь?

– У меня приятель в Звездном живет. А там как в коммуналке... Они за эти полеты, как мы за «загранки», глотку рвут... А ты ведь понял, о чем я тебя попрошу?

– Конечно.

– Догадливый. Попробуем тебя на сектор двинуть.

– Не надо. Уже пробовали... А она очень приятная женщина...

– Так чего же ты на нее волком смотришь?

– Жаловалась?

– Она никогда не жалуется. Просто сказала: жаль, что такой милый человек, как ты, на нее обижен...

– Виноват. Но быть в резерве – очень вредно для нервов, – попытался отшутиться я. – Теперь буду смотреть на нее с обожанием!

– Не надо. – Голос Пеки посерьезнел. – Не надо смотреть на нее с обожанием. Твое дело присматривать...

– Шпионить, что ли?

– Н-да, быть в резерве – вредно не только для нервов. Шпионить там будет кому. Твое дело, повторяю, присматривать. Она женщина легкоранимая, тонкая, а в поездках, сам знаешь, ситуации разные случаются. Особенно мне не нравится этот ваш Буров...

– Мурло аппаратное...

– Вот именно, – подтвердил Пека. – Значит, понял?

– Понял, понял... – дурашливо согласился я. – Мое дело – сторожить.

– Кончай придуриваться!

– Охранять.

– Гуманков, ты неблагодарная свинья!

– Оберегать.

– Почти правильно.

– Беречь.

– Точно.

– Для тебя.

– Для меня.

– Ты гигант гормональной индустрии! Я тебя уважаю! – Мне удалось сказать это почти беззлобно.

– Это не гормональная поддержка. Это серьезно, – каким-то не своим голосом ответил Пековский.

– Ты откуда говоришь?

– Из автомата. С собакой гуляю. Понимаешь?

– Понимаю. Не беспокойся. Можешь положиться на меня, как на себя самого!

– А вот этого не нужно! – засмеялся он и повесил трубку.

Сколько раз я ездил в командировки, но никогда супруга моя беззаботная Вера Геннадиевна не собирала меня в путь-дорогу. И лишь когда чемодан бывал уже застегнут и поставлен у двери, она чуть отрывала его от пола и саркастически предупреждала: «Не надорвись, Гуманков!» В этот раз все было по-другому. Жена трижды ездила за консультацией к своей двоюродной сестре, вышедшей замуж за сантехника-международника. Я не шучу: в наших посольствах работают только свои, вплоть до дворника и посудомойки, причем процветает такая же непробиваемая семейственность, как в дипломатии или, скажем, в музыке. Чтобы стать сантехником-международником, нужно родиться в семье сантехника-международника или, в крайнем случае, жениться на дочке оного. Кроме того, Вера Геннадиевна посвятила несколько часов обзваниванию тех наших знакомых, которые так или иначе имели дело с границей. Обобщив все советы и рекомендации, она тщательно укомплектовала мой чемодан с таким расчетом, чтобы любую свою нужду или потребность вдали от Родины я мог удовлетворить, не потратив ни сантима из тех трехсот франков, каковые нам обещали выдать по прилете в Париж. На случай продовольственных трудностей в чемодан были заложены несколько банок консервов, два батона сухой копченой колбасы, три пачки галет, упаковка куринобульонных кубиков, растворимый кофе, чай, сахар, кипятильник, две бутылки – водка «Сибирская» и коньяк «Аист». Отдельно, в специальном свертке, таилась железная банка черной икры – на продажу. Имелся и небольшой тульский расписной электросамовар – для целенаправленного подарка.

– С икрой не торопись! – поучала предусмотрительная супруга моя Вера Геннадиевна. – В отеле она идет дешевле, сдай в городе...

– Не умею... – хныкал я.

– Ничего сложного: делай, как все. Самовар подаришь в семье. Должны отдарить. У них так принято.

Поздно вечером накануне отъезда, когда Вика, получив заверения, что ей будет доставлено не менее десяти упаковок надувной фруктовой, с комиксами внутри, жевательной резинки, ушла спать, а я, последний раз проверив оба будильника (второй для надежности заняли у соседей), завалился в постель, – ко мне, благоухая всевозможными шампунями, дезодорантами и духами, пришла супруга моя обольстительная Вера Геннадиевна. Действовала она четко, слаженно, деловито, точно выполняла какую-то лишь ей одной ведомую показательную программу. Я мысленно поставил ей 5,7 – все-таки не хватало артистизма.

А потом она включила ночник, достала из тумбочки листок бумаги, развернула – и я увидел нарисованную фломастером карту, напоминающую те, по которым в детских книжках ищут сокровища пиратов. Место, где спрятано сокровище, было обозначено, естественно, крестиком.

– Это магазин, – объяснила жена. – Хозяин – мсье Плюш. Он говорит по-русски. Передашь ему привет от Мананы...

– Кто это?

– Не важно. Просто передашь привет. У него можно купить дублинку за триста франков.

– У меня есть плащ.

– Дубленка нужна мне. Триста франков – очень дешево. Потому что с брачком. Но ты его даже не заметишь. Это у нас, если брак, то рукав оторван или воротник, а у них: шовчик где-нибудь косит или фактура кусков немножко не совпадает. Только не перепутай размер. Вот я тебе все написала – рост, грудь, талия, бедра... На всякий случай...

– А если я не найду этот магазин?

– Найдешь. Все находят.

– А если времени не будет?

– Не волнуйся – я узнала. На Лувр – туда поведут обязательно – дается два часа. Час тебе на музей. Потом побежишь в магазин. Туда-обратно – полчаса. В магазине полчаса. Хватит за глаза – очередей у них нет. Возвращаешься с дубленкой и ждешь группу на выходе. Отработано... Все так делают...

– А если...

– Тогда лучше не возвращайся! – всерьез предупредила непреклонная супруга моя Вера Геннадиевна, а потом рассмеялась и поцеловала меня в нос...

В шесть часов утра мы стояли на безлюдной темной улице и ловили такси. С вечера обещали заморозки, и выбоины в асфальте были затянуты белым струпчатым ледком, лопавшимся под ногой с каким-то барабанным звуком. Ветер шевелил кучи опавших листьев и продувал даже мой утепленный плащ, в котором я хожу всю зиму.

Такси не было. Вообще. Только черные московские «волги» мчались куда-то, высокомерно не обращая внимания на протянутую руку Веры Геннадиевны.

– Надо было заказать по телефону, – посетовал я.

– Пробовала. Глухо, – ответила она.

Хорошенькое дельце: быть единодушно избранным коллективом, победить в безмолвной схватке с космонавтом Войцеховским – и не попасть в Париж из-за такси! Вот уж действительно страна вечнозеленых помидоров! Меня охватило чувство слезливого бессилия перед унылой судьбой. Сжав губы, Вера Геннадиевна, видимо, просталась со своей дубленкой от мсье Плюша. И вдруг показалось такси. Нет, сначала на взгорке, точно волчий глаз, мелькнул зеленый огонек. Исчез. А потом салатового цвета «волга» с шашечками на боку вынырнула уже совсем рядом с нами и резко затормозила, даже вильнув в сторону.

– В Шереметьево-2! – отчаянно и гордо крикнула жена.

Таксист молча показал на трафарет «В парк» и уехал.

– Когда вы встречаетесь? – спросила сникшая супруга моя Вера Геннадиевна.

– В семь пятнадцать под табло в зале вылета, – заученно ответил я.

– Значит, у нас еще минут двадцать в запасе... Не больше...

Судьба приходит к нам в разных обликах. Это может быть письмо, телефонный звонок, стук в дверь. Ко мне в то знобящее утро судьба приехала в виде большой помойной машины. Честное слово! Огромный грузовик с оранжевым резервуаром вместо кузова выскочил неизвестно откуда и остановился возле нас. Сверху из кабины свесился водитель и спросил:

– Куда?

– В Шереметьево-2, – вяло ответили мы.

– Садись – поехали!

Одной рукой цепляясь за поручень, а другой влача за собой чемодан, забыв даже попрощаться с женой, я полез наверх, в пахнущую помойкой и бензином кабину. Усевшись и устроив между ногами чемодан, я глянул вниз: осиротевшая супруга моя Вера Геннадиевна махнула мне рукой, а я, сжав кулак, ответил ей приветствием испанских республиканцев: «Они не пройдут! Но пасаран!»

В пути выяснилось, что рядом с аэропортом расположена большая городская свалка – туда и ехал мусоровоз.

– Куда летим? – спросил водитель.

– В Париж, – смущенно ответил я.

– А-а-а, – протянул он, точно я сказал «в Пермь». – Говорят, там винище дешевое...

– Посмотрим...

– А чего смотреть – ты попей! Хоть память останется...

Никогда прежде я не ездил в кабине такого грузовика. С верхотуры казалось, что попадавшиеся навстречу легковушки проскакивают у нас чуть ли не между колес. Когда мы проезжали пост ГАИ на Окружной, водитель по-приятельски помахал постовому, а тот отдал честь, словно бронированному правительственному лимузину.

– Друг? – спросил я.

– Нет. Иногда домой подбрасываю...

Возле Шереметьева навстречу нам попала темно-кофейная «трешка» Пековского: обознаться было невозможно из-за уникальной наклейки на лобовом стекле и клеptomанского количества дополнительных фар и прочих бирюлек на бампере. «Жене, конечно, наврал, что повез к самолету периферийного заказчика! – подумал я. – А может, теперь, после низложения тестя, он ей вообще не докладывается? Но светиться в аэропорту, хитроныра, все равно не стал...»

Мы затормозили в том месте, где от шоссе ответвляется эстакада, ведущая прямо к стеклянным самораскрывающимся дверям аэропорта: дальше на мусоровозе было нельзя. Я расплатился, пообещал пропустить сквозь печень максимальное количество французских винопродуктов и спрыгнул на землю, слегка подвернув ногу.

Когда через пять минут, прихрамывая и перекладывая чемодан из руки в руку, я появился под табло в зале вылетов, то увидел монументального товарища Бурова в официально темно-синем плаще и мятущегося возле него Друга Народов, одетого в длиннополое кожаное пальто.

– Почему опаздываете? – сурово спросил рукспецтургруппы.

– Понимаете, такси...

– Это ваши трудности! – перебил меня Друг Народов. – Срочно заполняйте таможенную декларацию.

– А где? – не понял я.

– Это там, – махнул рукой замрукспецтургруппы, брезгливо принохиваясь ко мне.

Размышляя о том, как, должно быть, страдают от своей профессиональной пахучести водители мусоровозов, я двинулся в указанном направлении. Кстати, потом выяснилось, что наши предусмотрительные руководители назначили сбор группы на час раньше, чем нужно. На всякий случай...

6

Следуя указанию, я подошел к круглому, как у нас в «Рыгалето», столику, где уже расположились Алла с Филиала и Торгонавт. Всем своим видом я старался продемонстрировать, что оформить декларацию для меня такое же привычное дело, как, например, заполнить приходно-расходный ордер в сберегательной кассе, куда по указанию накопительной супруги моей Веры Геннадиевны вкладываются все мои явные премии. Удивительно, как глубоко сидят в нас подростковые комплексы: гораздо проще опозориться, отдавив девчонке ноги, чем честно признаться, что вальса-то ты как раз танцевать и не умеешь.

Чтобы, не привлекая к себе внимания, сообразить, откуда они добыли чистые бланки, я принялся оглядываться с видом пресыщенного экскурсанта.

– Вот, пожалуйста! – Алла с Филиала протянула мне листочек. – Я на всякий случай взяла лишний...

– Благодарствуйте! – вместо человеческого «спасибо» отчебучил я.

– Извольте! – в тон мне ответила она и сделала еле заметный книксен.

Достав ручку, я лихо вписал в соответствующие графы свои Ф.И.О. – Гуманков Константин Григорьевич, а ниже свое гражданство – СССР. Но зато в следующем пункте столкнулся с непреодолимыми трудностями: «Из какой страны прибыл?» Дальше опять было понятно: «В какую страну следует?» В Париж, с вашего позволения. Потом шли дотошные вопросы про оружие и боеприпасы, наркотики и приспособления для их употребления, предметы старины и искусства, советские рубли и чеки, золото-бриллианты и зарубежную валюту, изделия из драгоценных камней и металлов, а также лом из этих изделий... Все это более-менее ясно, если не считать оставшихся у меня после расчета с мусорщиком тридцати четырех рублей с мелочью. Но иррациональный вопрос: «Из какой страны прибыл?»... А если я никогда, даже в материнской утробе, не покидал пределы Отечества? Тогда что? Я осторожно посмотрел на Торгонавта, который, почесывая лысину, напряженно вглядывался в декларацию, словно это был кроссворд из «Вечерки».

– Как вы думаете, – уловив мой взгляд, спросил он. – Золотые зубы вписывать?

– Не надо. Вы же не в Бухенвальд едете! У моего друга платиновый клапан в сердце – он и то никогда не вписывает! – Но это сказал не я, а появившийся Спецкор. Одет он был точно так же, как в день, когда я увидел его впервые, только, кроме фотокоровского короба, имелась еще большущая спортивная сумка.

– Я так и думал! – облегченно вздохнул Торгонавт.

– А вот перстенок запишите. За контрабанду могут в Бастилию посадить!

– Бастилию сломали... – грустно отозвался Торгонавт и покосился на свой массивный золотой перстень с печаткой в виде Медного всадника.

– Какие еще трудности? – в основном к Алле с Филиала обратился жизнерадостный Спецкор. – Заполняю декларации. Оказываю другие мелкие услуги. Плата по таксе. Такса – пять франков...

– А в рублях берете? – спросил я.

– По-соседски... На чем застряли? – Он пробежал глазами мой бланк и достал ручку. – Типичный случай... Запомните: прибыли вы из СССР.

– Странно...

– Ничего странного. На обратном пути напишете: «Прибыл из Франции». Если, конечно, вернетесь... И не ищите логики в выездных документах. Это – сюр! А сколько у вас рубликов с собой?

– Тридцать четыре... с мелочью...

– Больше тридцати нельзя. Строго карается. Пишите – ровно тридцать.

– А если проверят? – ненавидя себя за трусость, тем более в присутствии Аллы с Филиала, проговорил я.

– Нужно уметь рисковать! – подмигнул Спецкор. – Оружие спрятали надежно?

– Мое оружие – советский образ жизни!

– Неплохо, сосед! Декларацию сами подпишете или тоже доверите мне?

Я подписался под десятком «нет» и спросил:

– А почему вы называете меня соседом?

– Потому что в отеле мы будем с вами жить в одном номере.

– Откуда вы знаете?

– Пресса знает все. Списки проживания составлены и утверждены в Москве, а я подполз и разведаль.

– А я с кем буду жить в одном номере? – спросила Алла с Филиала.

– Обычно такие очаровательные женщины живут вместе с руководителем...

– Вот как? – произнесла она с таким холодным недоумением, словно понятия не имела не то что о Пековском – вообще о принципиальных физиологических различиях между мужчиной и женщиной.

– Виноват! – покраснел Спецкор. – Не рассчитал-с! Просто не знаю с кем... Не интересовался. Но если предположить, что наша генералиссимша будет жить, естественно, одна, то вам остается во-он та юная женщина, которые еще есть в русских селеньях...

И Спецкор показал на румяную плотную девушку, одетую в ярко-синюю куртку-аляску и белые кроссовки, вроде тех, что в магазинах потребкооперации продают колхозникам в обмен на определенное количество сданных мясопродуктов. Рядом с ней стоял болотного цвета чемодан, надписанный совсем как для выезда в пионерский лагерь: «Паршина Маша. К-з «Калужская заря».

Это была Пейзанка, значившаяся в моем блокноте под номером восемь.

– Девушка, вы уже заполнили декларацию? – игриво крикнул ей Спецкор.

– Не-ет еще... – смущенно ответила она.

– Могу помочь. Недорого. Всего пять франков. Труженикам сельского хозяйства – скидка! – И с этими словами Спецкор направился к ней.

– Я очень рада! – призналась мне Алла с Филиала. – Очень приятная девушка, правда? Вы знаете, я боялась, что меня поселят...

И тут, легка на помине, появилась Пипа Суринамская. Точнее, сначала в зал вбежал прапорщик, огляделся и, зачем-то придерживая отъехавшую стеклянную дверь, крикнул:

– Здесь, товарищ генерал!

Тогда состоялся торжественный вход царственной Пипы Суринамской в сопровождении толстого генерала, на красном лице которого были написаны все тяготы и излишества беспорочной многолетней службы. Следом за ними перекобочившийся сержант, очевидно водитель, впер гигантский чемоданище, имеющий к обычным чемоданам такое же отношение, как динозавр к сереньким садовым ящерам.

– Здорово, хлопцы! – поприветствовал генерал хриплым басом и, небрежно отдав честь, поздоровался за руку с вытянувшимися во фронт Бутовым и Другом Народов. – Как настроение?

– В Париж торопимся! – тонко намекнул на непунктуальность вновь прибывших Друг Народов.

– Ничего – теперь уже скоро, – утешил генерал Суринамский. – Три часа – и там. Десантируетесь прямо в Париже... А мне на танке три недели ехать!

Полководческая шутка вызвала дружный и старательный смех.

– Ну, мамуля, давай прощаться! – поскуцнев, сказал генерал и придвинул к себе Пипу для прощального поцелуя. – Отдыхай. Осваивай достопримечательности. На Эйфелеву башню

не лязь – хлипковата для тебя. В магазинах с ума не сходи – у нас в «Военторге» все есть. Ну и за дисциплинкой в подразделении приглядывай! – Обернувшись, он пояснил: – Я, когда в командировку убывал, часть всегда на супругу оставлял. И полный порядок!

Пока генерал Суринамский со свитой покидал зал прилета аэропорта Шереметьево-2, товарищ Буров стоял навтыяжку и преданно улыбался, но как только стеклянные двери сомкнулись, он повернулся в нашу сторону, нахмурился и приказал Другу Народов:

– Список!

Провели переключку. Все были на месте, кроме Поэта-метеориста, но и его вскоре обнаружили: он стоял и зачарованно смотрел на фоторекламу холодного баночного пива «Гиннесс».

– Без моего разрешения не отлучаться! – строго предупредил рукспецтургруппы. – Накажу! Сейчас проходим таможенный досмотр!

Вялый таможенник в форме, похожей на железнодорожную, глянул на нас, как китобой на кильку:

– Откуда?

– Спецтургруппа, – гордо сообщил Друг Народов.

– Разрешение на валюту!

– Пожалуйста.

– Проходите, – дозволил таможенник и безглаголиво проштамповал наши декларации, удостоив вниманием одного лишь Торгонавта. – Перстень записали?

– Обижаете! – ответил тот.

Честно говоря, до последнего момента я боялся: а вдруг таможенник прикажет: «Всем вывернуть карманы!» И выяснится, что вместо положенных тридцати рублей я везу тридцать четыре с копейками...

При регистрации билетов и багажа случился казус с Пипиным чемоданом-динозавром, тащить который, между прочим, товарищ Буров молчаливым кивком приказал Гегемону Толе. Так вот, чемодан никак не лез в отверстие, куда на транспортной ленте уезжал весь остальной багаж. В конце концов его утолкали на специальной тележке, а Гегемону Толе была доверена Пипина дорожная сумка, тоже довольно вместительная.

Паспортный контроль прошли быстро, правда, и тут не обошлось без волнений. Сержант, сидящий в застекленной будочке, принял мой паспорт и стал его внимательно рассматривать. Я постарался воспроизвести на своем лице выражение сосредоточенного испуга, зафиксированное на фотографии. «А вдруг, – с ужасом думал я, – произошла непоправимая ошибка: подписи важной нет или печати? Говорят, так иногда случается! Тем более что покуда все шло подозрительно гладко... А вдруг – моя беда в этих проклятых тридцати четырех рублях с копейками?! Кто знает, какая у них тут техника? Может, уже и кошельки научились просвечивать? А таможенник специально меня пропустил, чтобы потом...»

– Куда летите? – спросил сержант.

– Что? – растерялся я.

– Куда летите?

– В Париж...

– Зачем? – не отставал он.

Вопрос был на засыпку, и я в ответ только пискнул.

– Спецтургруппа! – солидно объяснил за меня Друг Народов.

– Проходите! – помиловал сержант и просунул мои документы в щель между краем стекла и полированной полочкой, раздался щелчок, и, толкнув маленький никелированный шлагбаум, я оказался на свободе.

– Счастлив приветствовать вас за рубежом! – встретил меня Спецкор. – Ностальгия еще не началась?

– Вроде нет... – ответил я.

Ответил бездарно. И, сравнив себя с языкастым Спецкором, я вдруг ощутил всю степень своего одеревенения. А ведь были времена, когда я мог отшутиться так, что все, включая и Аллу с Филиала, просто покатались бы со смеху. Я был искрометен и непредсказуем. Но потом... Потом, раскуражившись в какой-нибудь теплой компании, я вдруг наткнулся на неподвижный взгляд не улыбочливой супруги моей Веры Геннадиевны – так жена обычно смотрит на недееспособного мужа, пустившегося в разглагольствования о секретах плотской любви. «Зачем ты перед ними паясничал? – упрекала она меня уже дома. – Ты разве клоун?» И мне начинало казаться, будто я и впрямь вел себя нелепо и постыдно, точно седой массовик-затейник на подростковой дискотеке. Очевидно, жена меня постоянно сравнивала с кем-то другим – молчаливым, величественным и серьезным, а теща однажды проговорила-таки про соискателя Игоря Марковича, по пустякам не балаболившего и обладавшего руками, произрастающими оттуда, откуда они и должны расти у настоящего мужчины. Вместо того чтобы послать их вместе с Игорем Марковичем туда, откуда не должны расти руки у настоящего мужчины, я, наивняк, решил соответствовать! Вот и несоответствовался... Одна радость – Вика. Очень смешливая девчонка! Вот недавно...

– Список!

Товарищ Буров, замыкавший наш организованный переход государственной границы, поправляя ондатровую шапку, пылливо осматривал вверенную ему спецтургруппу.

– Список!

– Все на месте, кроме поэта, – на глаз определил Друг Народов.

– Где он? – осерчал рукспецтургруппы.

– Сказал, в туалет пошел, – доложил Диаматыч.

– Вы плохо знаете психологию творческих работников! – покачал головой Спецкор. – Наверху бар, где наливают за рубли.

– Ну да? – изумился Гегемон Толя.

– Привести! – рявкнул товарищ Буров.

– Я сбегая, – вызвался Друг Народов.

– А я помогу, – прибавил Спецкор. – Одному не донести...

Вернулись они через десять минут, неся на себе, как раненого командира, тяжело пьяного Поэта-метеориста, который мотал головой из стороны в сторону и с завываниями бормотал какие-то стихи. Мне удалось разобрать лишь строчку: «Мы всю жизнь летаем над помойкой...»

– Я вас выведу из состава группы и оставлю в Москве!.. – угрожающе начал товарищ Буров.

– Не надо пугать человека Родиной, – заступился Спецкор. – Он исправится...

Мне казалось, теперь нас погрузят в автобусы и, как в Домодедово, повезут к самолету, но я ошибся: прямо вовнутрь «Илла» вел телескопический трап – огромное полое щупальце, присосавшееся к округлому самолетному боку. Рядом с овальным входом на борт стояли улыбающаяся стюардесса и хмурый прапорщик с ракетой.

Я с детства люблю сидеть у окошка и тут тоже не смог отказать себе в этом удовольствии. Рядом со мной устроилась Алла с Филиала, а еще ближе к проходу Диаматыч. Впереди нас определили тело Поэта-метеориста, которое охранял Спецкор, тут же начавший заливать пейзажи, будто любой наш самолет, следующий за границу, сопровождают два истребителя, но из иллюминаторов их не видно, потому что один летит сверху, а второй – снизу, под фюзеляжем.

– Не боитесь летать? – спросил я свою соседку, щелкая пристегнутым ремнем.

– Нет, – ответила она, что-то озабоченно выискивая в своей сумочке.

– Может быть, хотите к окну? – самоотверженно предложил я.

– Нет, спасибо, я боюсь высоты...

Стюардесса походкой, напоминающей манекенщицу и моряка одновременно, прошла вдоль рядов, проверяя, кто как пристегнулся.

- Ему плохо? – спросила она, остановившись возле распавшегося Поэта-метеориста.
- Ему хорошо! – успокоил Спецкор.

Самолет, беспомощно потряхивая длинным крылом, пополз к взлетной полосе. Радиоголос сначала по-русски, а потом по-французски поприветствовал нас на борту авиалайнера «Ильюшин-62». И я вспомнил, что на внутренних линиях говорят почему-то просто – «ИЛ-62»... Потом стюардесса показывала, как в случае чего нужно пользоваться оранжевым спасательным жилетом, хотя, конечно, отличные летные качества лайнера гарантируют полную безопасность.

– В каждом жилете, в непромокаемом пакетике, по сто долларов, – объявил Спецкор. – На случай непредвиденных расходов...

- Уй ты! – восхитилась Пейзанка.

Наконец мы вырулили на взлетную полосу, несколько мгновений простояли неподвижно и вдруг рванули вперед так, что задребезжали откидные столики и с треском стали открываться крышки багажных антресолей.

- Истребители взлетают вместе с нами? – спросила доверчивая Пейзанка.
- Нет, с Шереметьево-1, – объяснил Спецкор.

Дребезжание прекратилось.

- Летим! – вздохнул Торгонавт и вытер лицо шейным платком.
- Взлет – это лишь повод для посадки! – успокоил его Спецкор.

Я глянул в иллюминатор: внизу виднелись лес из крошечных декоративных деревьев (как на японской выставке растений), поселки из кукольных домиков и малюсенькие автомобильчики, наподобие тех, что начала недавно коллекционировать Вика, окончательно забросив собирание кошачьих фотографий. Решив поделиться своими наблюдениями, я повернулся к Алле с Филиала: в ее глазах было отчаяние.

- Я забыла фотографию! – пожаловалась она.
- Чью? – спросил я, подразумевая, конечно, Пековского.
- Моего сына...

7

– Странно! – пожала плечами Алла с Филиала.

– Что – странно? – уточнил я.

– Все... Странно, что только сейчас вспомнила про сына... Обычно я думаю о нем всегда.

Странно, что я забыла фотографию... Странно, что через три часа мы будем в Париже...

– И, наверное, странно, что вместо Пековского лечу я?

– Нет, не странно, он предупредил, что со мной рядом будет его детский друг – чуткий и отзывчивый товарищ... Он, наверное, просил вас меня опекать?

– Беречь. Говорил, что вы робкая и легкоранимая...

– И поэтому вы рядом со мной?

– Исключительно поэтому...

– А вы не очень-то любите своего детского друга!

– Вам показалось...

Я отвернулся к иллюминатору: земля внизу была похожа на бурый, местами вытершийся вельвет. Сказать, что я не люблю Пековского, – ничего не сказать. Это трудно объяснить. В классе пятом у нас, дворовых пацанов, повернулись мозги на рыцарях – «Александр Невский», «Айвенго», «Крестоносцы» и так далее. Латы мы вырезали из жестяных банок, в которых на соседний завод «Пищеконцентрат» привозили китайский яичный порошок, щиты делали из распиленных вдоль фанерных бочонков, мечи – из алюминиевых обрезков, валявшихся около товарной станции, располагавшейся недалеко от нашего двора. Я сам разработал оригинальную конструкцию арбалета, и, если удавалось достать хорошую бинтовую резину, он стрелял почти на пятнадцать метров. Сложнее всего обстояли дела со шлемами, выбрать не приходилось, и в дело шли облагороженные кастрюли, миски, большие жестянки из-под половой краски... А Пека поглядывал на наши экипировочные мучения с усмешечкой и называл нас «кастрюленосцами». Когда же, наконец, все было готово и мы разделились на Алую и Белую розы, чтобы сразиться за трон – колченогое кресло, установленное на крыше гаража, – во двор вышел Пековский. Он был облачен в настоящие, отливавшие серебром рыцарские доспехи, на голове – шлем с решетчатым забралом и алыми перьями, в руках – настоящий арбалет, заряжавшийся, как и нарисовано в учебнике, с помощью свисавшего маленького стремени. Нет, конечно же все это было не настоящее, а игрушечное, привезенное из-за границы Пекиным дядей специально к началу большой рыцарской войны в нашем дворе. И в своих дурацких латах из-под китайского яичного порошка я почувствовал себя таким ничтожеством, клоуном, болваном, что и сейчас, тридцать лет спустя, мне становится паршиво от одного этого воспоминания. Не вынимая меча из ножен, Пека занял трон, стоявший на крыше гаража.

Стюардессы обносили на выбор – минеральной водой, лимонадом и вином. Все взяли вино. Потом в проходе показался большой железный ящик на колесах, в котором, как противни в духовке, сидели подносы с едой.

– Давайте выпьем за Париж! – предложила Алла с Филиала, поднимая пластмассовый стаканчик.

– Давайте, – согласился я и, чокаясь, немного вдавил свой стаканчик в ее.

– Знаете, – продолжала она, – для русских Париж всегда был местом особенным.

От хандры ехали в Париж... От несчастной любви – в Париж... Сумасшедшие деньги прокручивать – в Париж... От революции – в Париж... А когда мы вернемся, мы создадим тайное общество побывавших в Париже! Договорились?

– Договорились.

– А вы не хотите выпить за Париж? – спросила она, повернувшись к Диаматычу.

– В вашей интерпретации – нет, – ответил он и внимательно посмотрел на нас.

– А мне ваша интертрепация нравится! – вмешался Спецкор и просунул свой стаканчик в щель между спинками кресел, чтобы чокнуться.

Я огляделся. Товарищ Буров и Друг Народов приканчивали бутылку коньяка. Пипа наворачивала, так энергично орудуя локтями, что сидевший рядом с ней Гегемон Толя не мог благополучно донести кусок до рта. Торгонавт со знанием дела оглядывал плевочек черной икры на пластмассовой тарелочке, словно хотел вычислить, с какой продбазы снабжается Аэрофлот. Спецкор осторожно и заботливо, точно лекарство, вливал сухое вино в беспомощного Поэтаметеориста. Пейзанка всем предлагала домашнее сало, которое, по ее словам, месяц назад еще хрюкало. Диаматыч питался медленно и осторожно, как бы опасаясь отравленных кусков. Алла с Филиала ела красиво. А люди, умеющие красиво есть, – большая редкость, так же, как блондинки с черными глазами. Кстати, я все-таки рассмотрел ее глаза: они были темно-темно-карими.

– Алла, – спросил я с набитым ртом, – а вы раньше знали о моем существовании? До поездки...

– Конечно... Мы даже с вами встречались. Просто у вас плохая память.

– Где?

– На научно-техническом совете. В прошлом году. Вы делали сообщение после меня. Об этой системе – «Красное и черное». Мы очень смеялись...

– Надо мной?

– Нет. Над названием... Сами придумали?

– Сам...

– Я так сразу и решила...

– Почему?

– Не знаю...

Внизу расстилались похожие на бескрайнюю снежную равнину облака. Почему-то казалось, вот-вот покажется цепочка лыжников... Ту конференцию я тоже, между прочим, запомнил: меня как раз после долгих колебаний назначили исполняющим обязанности заведующего сектором, и я впервые выступал уже в новом качестве. «Красное и черное» – это действительно была моя идея, но всю техническую разработку я поручил Горяеву, хотя, напутствуя меня перед вступлением в новую должность, Пековский посоветовал: первым делом уволь Горяева, иначе пропадешь. Я хорошо знал Горяева, он был потрясающе талантлив и патологически обидчив. Я вызвал его в свой новенький кабинет, проговорил с ним два часа и поручил ему разработку «Красного и черного». В двух словах: эту систему мы готовили для Министерства рыбной промышленности, и задача состояла в том, чтобы учесть все запасы осетровой и кетовой икры в стране буквально до последней икринки. Сами понимаете, социализм – это учет и контроль.

Годовую работу всего сектора Горяев сделал в одиночку за восемь месяцев, не зная ни бюллетеней, ни отгулов, а сделав, вдруг смертельно обиделся: обозвал весь коллектив дармоедами, расшвырял шахматы, которыми играли два программиста, а вохровца на проходной обругал вертухаем. Между прочим, меня он поименовал «пожирателем чужих мозгов», но я не обиделся, а вохровец обиделся и на следующее утро потребовал у Горяева пропуск, чего не делал много лет, ибо не такие уж мы засекреченные и охрана больше для того, чтобы посторонние не ходили в нашу столовую. Оказалось, свой пропуск Горяев давно потерял, и когда я после истерического звонка начальника вневедомственной охраны прибежал на проходную, то застал там побагровевшего вохровца, хватавшегося за кобуру, где ничего, кроме мятой бумаги, не было. А мой совершенно спятивший подчиненный орал, что если бы у него была сумка «лимонки», то он бросил бы ее в наш ВЦ, потому что более гнусной организации невозможно себе и представить.

На следующий день Горяев написал заявление и ушел куда-то, где пока знали лишь о его первом, положительном качестве. А когда вальжанный представитель Министерства рыбной

промышленности и Пековский, пахнувшие общим дорогим одеколоном, принимали «Красное и черное», на экране после запуска программы вместо шифра появилось красочное фаллическое изображение и хулиганская надпись, суть которой сводилась к обещанию противоестественно обойтись со всем нашим трудовым коллективом. Это был прощальный жест Горяева, вдобавок он установил в программе такую хитроумную защиту, что попытки найти и снять ее привели к самостиранию всей системы. Мы заплатили министерству чудовищный штраф, весь сектор лишился премии и тринадцатой зарплаты, а меня, разумеется, не утвердили заведующим, и правильно сделали, ибо предупреждали. Супруга моя честолюбивая Вера Геннадиевна на месяц отлучила меня от своего белого тела, сказав, что обычно дебилы не доживают до тридцати и я – уникальный случай...

Когда стюардессы собирали подносы, я незаметно спрятал пластмассовые нож, вилку и ложечку, потому что Вика, несмотря на свой зрелый возраст, все еще продолжала играть в куклы.

– Снижаемся! – радостно сообщил Торгонавт.

Земля внизу, в отличие от наших бескрайних одноцветных просторов, напоминала лоскутное одеяло.

– Капитализм, – просунув нос между кресел, объяснил Спецкор.

8

Когда самолет толкнулся колесами о землю и помчался по посадочной полосе, постепенно избавляясь от скорости, иностранцы, летевшие с нами, заплодировали.

– Любят западники жизнь! – прокомментировал Спецкор.

– А мы? – спросила Алла с Филиала.

– Мы любим борьбу за жизнь! – вставил я и поймал на себе неодобрительный взгляд Диаматыча.

Наверное, каждый раз, приезжая в незнакомое место, мы чем-то повторяем свой давний приход в этот неведомый мир. Отсюда, должно быть, радостное удивление и совершенно младенческий восторг по поводу всего увиденного. По поводу огромного аэропорта с движущимися дорожками, никелированных урн непривычной формы, полицейских в странных цилиндрических фуражках с маленькими козырьками, ярко одетых детишек, лопочущих что-то очень знакомое по интонации, но совершенно непонятное по смыслу...

– За границей меня всегда поражают две вещи, – громко сказал Спецкор. – Все, даже дети, свободно говорят на иностранном языке, и абсолютно все ездят на иномарках.

К моему удивлению, наш багаж уже крутился на транспортной ленте: это я определил, заметив чемодандинозавр Пипы Суринамской. Гегемон Толя тяжело вздохнул.

Паспортный контроль мы прошли довольно быстро, хотя к стеклянным будочкам выстроились приличные хвосты.

– Я выиграл бутылку коньяка! – радостно сообщил Торгонавт. – Мой приятель сказал, если я здесь увижу хоть одну очередь, он выставляет...

– Не обольщайтесь, – разочаровал его Спецкор. – Мы пока еще в экстерриториальных водах...

Потеряли Пейзанку, но вскоре нашли возле витрины, где был установлен трехведерный флакон духов «Шанель». Спецкор сказал ей, что, заплатив умеренную сумму, можно отлить немного духов в свою посуду. Слышавший это Гегемон Толя насупился и выругался вполголоса по поводу некоторых очень уж умных.

– Рад вас приветствовать в Париже – городе четырех революций! – не унимался Спецкор.

Поэт-метеорист, кажется немного проспавшийся, озирался вокруг, словно человек, проехавший свою станцию метро. Беспрепятственно миновав скучающих таможенников (только на Торгонавте они чуть задержали взгляды), мы сразу попали в большую толпу встречающих: помимо букетов, они держали в руках транспарантики и таблички с разными надписями. Одна невысокая смуглая женщина с короткой, мальчишечьей стрижкой размахивала над головой аккуратной картонкой:

БУРОВ – СССР

– Это мы! – удовлетворенно сообщил товарищ Буров и протянул ей ладонь для рукопожатия.

Тут же подскочивший Друг Народов обнажил в улыбке свои заячьи зубы, протараторил что-то по-французски и, искупая мужланство шефа, галантно поцеловал руку встречавшей нас женщине. Это была мадам Жанна Лану, наш гид.

– Теперь мы будем садиться в автобус и ехать в отель, – объяснила она.

Через автобусное окно я смог увидеть и понять главное: в Париже всего много – людей, машин, витрин, памятников, деревьев... Где-то сбоку мелькнула знаменитая башня, похожая на задранную в небо дамскую ножку в черном ажурном чулке.

– Эйфелевская башня! – охнула непосредственная Пейзанка.
– Это ее макет в натуральную величину, – поправил Спецкор. – Сама башня хранится в Лувре...

– Правда? – усомнился Гегемон Толя, поглядев на мадам Лану.

– О нет! – засмеялась она.

Отель назывался «Шато», видимо, из-за декоративной башенки, как на готическом замке.

– Это неплохой отель, – сказала мадам Лану. – Должна заметить, что гостиницы в Париже – это проблема, особенно в сезон. Очень много туристов...

– И очереди бывают? – оживился Торгонавт.

– Очереди? – переспросила она. – Не думаю так.

Сложив вещи в общую кучу, мы встали посредине гостиничного холла. Портье, статью напоминавший референта члена Политбюро, записал номера наших паспортов и выдал несколько ключей с брелоками в форме больших деревянных шаров. Друг Народов извлек из кейса утвержденный еще в Москве список и, объявляя, кто с кем поселяется, лично раздавал ключи. Расклад вышел такой:

Алла с Филиала и Пейзанка.

Поэт-метеорист, Диаматыч и Гегемон Толя.

Спецкор и я.

Друг Народов и Торгонавт.

Судя по тому, что после оглашения списка оставалось еще два ключа, товарищ Буров и Пипа Суринамская заселялись в отдельные номера. В общем, типичное нарушение социальной справедливости, следить за соблюдением которой – профессия товарища Бурова.

Когда все разобрали свои вещи и выстроились к лифту, Торгонавт огорченно заметил, что, наверное, считать создавшуюся очередь аргументом в коньячном споре некорректно, так как состоит она исключительно из советских людей. Для первого раза кабинка лифта уместила лишь чемодан Пипы Суринамской и в качестве привеска – Гегемона Толю. Внезапно обнаружилось, что посредине холла остались сумка и авоська Поэта-метеориста, но сам он исчез. Мадам Лану и Друг Народов отправились на поиски, и когда мы со Спецкором последними грузились в лифт, они, наконец, привели пропавшего из бара, где он угрюмо рассматривал бесчисленные сорта пива.

– Мы давно забыли запах моря! – отмахнулся от упреков Поэт-метеорист.

Нам со Спецкором досталась миленькая комнатка с видом во внутренний дворик, замечательной ванной, телевизором и широкой супружеской кроватью.

– Как будем спать? – спросил он. – Как братья или как любовники?

– Это ошибка? – наивно предположил я.

– Нет, это не ошибка, это расплата за отдельный номер для генеральши...

– А почему расплачиваемся мы?

– Вопросов, подрывающих основы нашего общества, прошу не задавать. У тебя нет скрытой гомосексуальности?

– А у тебя?

– И у меня тоже! – ответил Спецкор.

Я аккуратно развесил в шкафу мой единственный выходной костюм, две сорочки и, мысленно поделив все выдвижные ящички пополам, разложил в них остальные вещи. Потом, взяв умывально-бритвенные принадлежности, пошел в ванную комнату.

– Биде с унитазом не перепутай! – вдогонку предостерег Спецкор.

В ванной было огромное, во всю стену, зеркало, а раковина представляла собой углубление в широкой мраморной плите, являвшейся одновременно и туалетным столиком. Впрочем, это был не мрамор, а пластик. На столике лежали крошечные упаковочки мыла, шампуня

и еще чего-то непонятного. Сбоку, на полке, виселись стопки полотенец – от малюсенького до широченного – два раза можно обернуться. Я освежился под душем, на всякий случай пользуясь своим мылом (Друг Народов предупредил, что здесь все за деньги), а потом, протерев в запотевшем зеркале круг, как раз, чтобы вмещалось лицо, стал бриться, размышляя о том, что физиономия полнеющего мужчины незаметно превращается в ряшку, на которой трудно прочесть живые муки его души. Зато некто, страдающий, скажем, несварением желудка, взглянет на вас во всем ореоле духоборческой худобы, а в глазах у него будет светиться отчаяние падшего ангела. Женщинам это нравится.

– Ну и жмоты французы! – сказал я, выходя из ванной.

– Почему?

– На неделю мыла и шампуня с гулькин нос дали...

– Нет, это только на сегодня. Они каждое утро подкладывают. Можешь брать для сувениров, – объяснил мне Спецкор и проследовал в ванную.

Перед тем как затолкать свой чемодан под кровать, я решил переложить стратегические запасы продуктов питания, собранные предусмотрительной супругой моей Верой Геннадиевной, в тумбочку. И вдруг из одного пакета вытряхнулся молоденький рыжий тараканчик. Сначала он ошалелыми зигзагами помчался по нашей белоснежной кровати, а потом вдруг замер, шевеля усиками. Я тоже замер, возмущенный столь наглым нарушением всех правил выезда из СССР. Брезгуя раздавить предателя пальцами, я поискал глазами что-нибудь прихлопывающее, а когда осторожно взял в руки глянцевого проспекта отеля и размахнулся, рыжий эмигрант уже исчез. Он выбрал свободу.

– Пошли получать валюту! – распорядился, выходя из ванной, освежившийся Спецкор. – А потом обедать...

Товарищ Бугров сидел в глубоком вольтеровском кресле посередине обширного номера с окнами на набережную. Перед ним, на журнальном столике, были разложены конверты и две ведомости.

– Распишитесь вот здесь! – приказал он, и мы покорно поставили свои закорючки напротив цифры триста. – А теперь вот здесь! – И он подвинул к нам еще одну ведомость.

– А это что? – спросил Спецкор.

– По двадцать франков с каждого на представительские расходы! – строптиво объяснил присутствовавший при сем Друг Народов. – Кроме того, каждый должен сдать по бутылке в общественный фонд.

– Крутые вы ребята! – не по-доброму удивился Спецкор.

– Так положено, – закончил тему товарищ Буров.

– А одна кровать в номере – тоже «так положено»? – голосом ябеды спросил я.

– У меня тоже одна! – возразил рукспецтургруппы, озирая свой беспредельный номер, и стало ясно, что спорить бесполезно.

Спускаясь вниз, в ресторан, я нетерпеливо достал из конверта три больших бумажки по сто франков с изображением лохматого курнофея, похожего на батьку Махно в исполнении актера Чиркова. «Делакруа», – поколебавшись, сообразил я и тихо загордился собой.

Обедали мы за длинным, видно, специально для нашей группы накрытым столом.

– Хорошо быть интуристом! – сказал Спецкор, озирая приличную сервировку, дымящиеся супницы и графины с чем-то темно-красным.

– Морс? – спросила Пейзанка.

– Сама ты морс! – нервно ответил Поэт-метеорист и придвинул к себе сразу два графина.

Появилась Алла с Филиала, переодетая в бирюзовое, очень шедшее ей платье. И хотя за столом было несколько еще не занятых мест, она, не задумываясь, направилась к свободному стулу между мной и Спецкором. Сердце мое дрогнуло совсем по-школьному. Я налил из графина ей и себе – это было сухое вино.

– Я очень люблю красное вино! – сказала она, пригубивая из бокала. – Именно красное – оно живое...

– А наш руководитель, судя по всему, любит коньячок из общественного фонда! – кивнул Спецкор на багровую физиономию товарища Бурова.

Официант, бережно склоняясь над каждым, разлил по тарелкам суп – протертое нечто, а узнав, что мы из Москвы (Друг Народов с заячьей улыбочкой вручил ему краснорубашечный значок), он мгновенно куда-то убежал и вернулся, неся большую корзину толсто нарезанного белого хлеба.

– Алла, у меня к вам очень серьезный вопрос, – начал я, когда с супом было покончено, а второго еще не принесли. – Скажите, если бы на рублях изображали творческих работников – художников, композиторов или писателей... Как бы вы их распределили?

– Писателей?

– Допустим, писателей.

– А знаете, – сказала Алла, – я, когда получила конверт, почему-то подумала о том же самом. Странно, правда?

– Наверное, у нас много общего, – игриво заметил я и покосился на Спецкора, но он думал о чем-то своем.

– Наверное... – согласилась Алла. – Хорошо, давайте попробуем прикинуть, но только вместе... Писатели?

– Писатели.

– Значит, сначала на рубле... Самое трудное: с одной стороны, купюра мелкая, а с другой – ее в руках люди держат чаще всего...

– Может, Гоголя на рубль? – предположил я.

– Допустим, – кивнула Алла. – А на трехрублевку тогда – Тургенева.

– Может быть, лучше – Лермонтова? – засомневался я.

– Допустим. А Тургенева, значит, – на пяти рублях?

– Принимается. А кого на десятку?

– На десятку? – задумчиво повторила Алла, отщипнула корочку хлеба и положила в рот. Я вдруг заметил, что мысленно называю ее не «Алла с Филиала», а просто – «Алла». – Костя, а если на десятку Блока?

– Может, Маяковского?

– Не-ет, Блока!

– Для вас я готов на все! А кто у нас тогда будет на двадцати пяти рублях?

– Чехов! – не задумываясь, ответила Алла.

– На пятидесяти?

– Достоевский!

– Тогда на ста рублях – Лев Толстой! – подытожил я.

– Конечно! – обрадовалась Алла. – Видите, как все складно получилось! Складно и познавательно! Человек заглядывает в кошелек и приобщается...

– И главное – облагораживается процесс купли-продажи! – добавил я. – Гениально!

– А Пушкина вы на копейке выбьете? – ехидно поинтересовался Спецкор, который, оказывается, все слышал.

– Действительно, мы забыли Пушкина! – огорчилась Алла. – Без Пушкина нельзя...

Пока мы с Аллой горевали по поводу ущербности разработанной нами литературно-денежной системы, за столом вспыхнуло горячее обсуждение: как провести сегодняшний вечер, в программе обозначенный словами «свободное время». Большинство склонялось к тому, чтобы осуществить набег на какой-нибудь большой магазин.

– Мы даже можем включить это в программу, – предложил Торгонавт. – Экскурсия «Париж торговый»...

В ответ Диаматыч высказал опасение, что нас могут неправильно понять с идеологической точки зрения:

– Только прилетели – и сразу шопинг...

– Выбирайте выражения! За столом женщины! – возмутилась Пипа Суринамская.

Поставили на голосование и большинством решили отправиться в ближайший супермаркет. Мадам Лану вызвалась нас сопровождать. И вдруг Поэт-метеорист хватил кулаком по столу с такой силой, что зазвенела посуда, а один из опустевших графинов даже опрокинулся. Стало ясно, что поэт бесконтрольно напился.

– Мы давно забыли запах моря! – крикнул он и сжал свою голову ладонями, точно проверяя ее на спелость. А за его спиной изумленно застыл наш официант с подносом вторых блюд. Вероятно, он впервые видел, как человек вусмерть напивается сухим столовым вином.

9

В супермаркете я почувствовал себя папуасом, который всю жизнь молился на свои единственные стеклянные бусы и вдруг неожиданно-негаданно попал в лавку, доверху набитую всевозможной бижутерией. Здесь было все, о чем только смеет мечтать советский человек, о чем он не смеет мечтать, и даже то, о чем мечтать ему не приходит в голову.

– Фантастика! – воскликнула Алла, разглядывая прелестную заколку в виде стилизованного махаона. – Вы не чувствуете себя несчастным?

– Нет. Мы с вами приехали из счастливой страны. Нас можно осчастливить комплектом постельного белья или килограммом полтавской колбасы... А представляете, сколько всего нужно французу, чтобы быть счастливым?

– Представляю... – отозвалась она и указательным пальцем погладила махаона по глянцевому крылышку.

Что в эту минуту сделал бы настоящий мужчина? Тот же Пековский или, скажем, гипотетический Игорь Маркович? Разумеется, он непринужденно взял бы понравившуюся заколку и вложил ее в прелестные ладошки. Но начнем с того, что я не настоящий мужчина, а совок, если выразаться сегодняшним языком, или ложкомой, если прибегать к изысканному словарю супруги моей молчаливой Веры Геннадиевны. Что это значит? А это значит, что судьба забросила вас в Париж и вложила в ваш бумажник трех «делакруа», судьба которых predetermined еще в Москве: они должны стать дубленкой. Каждый потраченный франк может сорвать этот детально разработанный план и вызвать необратимые процессы в вашей семье. Миллионер, покупающий своей подружке остров с виллой, по сути идет на гораздо меньшую жертву, нежели советский турист, угощающий в Париже приглянувшуюся ему даму мороженым. А махаон стоил целых 50 франков. Поэтому я горячо поддержал восхищение Аллы, но придал своему восторгу как бы музейный оттенок, словно на прилавке лежал экспонат из скифского кургана, принадлежащий государству.

Прогуливаясь по супермаркету, мы получили кое-какое представление о направленности интересов наших товарищей по поездке. Несколько раз мимо нас на крейсерской скорости пронеслась Пипа Суринамская, лицо ее побелело от напряжения, а глаза светились угрюмым восторгом. Казалось, вот сейчас она, Пипа, вдруг превратится в черную дыру и всосет в себя весь магазин вместе с товаром, продавцами и кассовыми компьютерами.

Товарища Бурова и Друга Народов мы обнаружили в секции видеоманитофонов. Они горячо обсуждали, за сколько в Москве сейчас идет последняя модель «JVC».

Спецкор сосредоточенно рылся в отделе противозачаточных средств и сексуальной гигиены. Увидев нас, он приветливо помахал рукой и, кивнув на выставку-продажу, крикнул:

– Рекомендую!

Диаматыч застрял возле электронных игрушек и крутил в руках жуткого киборга с загорающимися глазами.

– Игрушки покупает! – многозначительно отметил я.

– Это плохо? – спросила Алла.

– Это странно...

Торгонавт обессиленно сидел в кресле возле столика с толстыми каталогами. У него был вид человека, внезапно и непоправимо утратившего смысл жизни.

– Мне жаль их! – сообщил он, скашивая глаза на улыбчивую продавщицу, помогавшую примерять туфли толстой французской пенсионерке.

– Почему? – удивилась Алла.

– Торговля без дефицита – жалкая рабыня общества... Я бы здесь не смог!

Повстречали мы и Гегемона Толю. Таща за собой здоровенную Пипину сумку, он брел вдоль бесконечного ряда кожаных мужских курток и бормотал себе под нос:

– Ну, я его, падлу, урою! Гадом буду – урою!

Потом мы с Аллой долго стояли возле рыбного прилавка и с изумлением разглядывали дары моря: разнокалиберных устриц, мидий, креветок, здоровенных головастых рыбин, пере-ложенных мелко наколотым льдом. Я поймал себя на том, что пытаюсь подсчитать, сколько в Москве может стоять огромный буро-красный лобстер, но делаю это как-то странно: вспоминаю равный ему по цене плеер с наушниками, прикидываю, за сколько такой плеер идет в Москве, и получается, что одна клешня лобстера стоит больше месячной зарплаты ведущего программиста!

– Послушайте, Костя, – прервала мои подсчеты Алла. – Что вы хотите купить жене?

– Жене? – переспросил я.

– Вы хотите сказать, что не женаты?

– Вера Геннадиевна приказала дубленку...

– Да-а? Рассказывайте!

И я не только рассказал о своем спецзадании, но выложил также все адреса, явки, пароли и даже показал карту.

– Неужели всего триста франков?! – всплеснула руками Алла, и в глазах ее мелькнуло то выражение, с каким металась по супермаркету Пипа Суринамская. – Костечка, возьмите меня с собой! Мне тоже нужна дубленка...

– Почту за честь!

– А вы давно женаты? – вдруг спросила она.

– С детства, – ответил я.

Когда через условленный час спецгруппа собралась у автобуса, выяснилось, что никто ничего не купил. Это была лишь рекогносцировка, ибо главная заповедь советского туриста гласит: не трать валюту в первый день и не оставляй на последний!

Впрочем, нет: Диаматыч все-таки приобрел киборга с зажигающимися глазами, а Спецкор – пакетик с чем-то интимным.

Товарищ Буров кивнул головой, и Друг Народов провел переключку: не было Поэта-метеориста, в бесчувственном состоянии оставленного в отеле, и Пейзанки...

– Где? – разгневался рукспецтургруппы.

– Она, кажется, попросила политического убежища в отделе женской одежды! – сообщил Спецкор.

– Никакой дисциплины! – возмутился Диаматыч.

Пейзанка действительно застряла там, возле полок, где было выставлено все джинсовое – от зимних курток до сапожек. Она держала в руках джинсовый купальник и безутешно рыдала. Покупатели-аборигены поглядывали на нее с опаской, а два седых, авантажных продавца совещались, как с ней поступить. В автобусе Пейзанка забилась в самый угол и всю дорогу плакала, поскуливая...

– Девочка просто не выдержала столкновения с жестокой реальностью общества потребления! – объяснил Спецкор.

– Заткнись! Деловой нашелся! – взорвался Гегемон Толя. – Ты в сельпо хоть раз был?

– Анатолий, не грубите прессе! – холодно предостерег Спецкор. – Я был везде...

– Сколько раз предупреждали! – возмутился Друг Народов. – Если человек не был в Венгрии, на худой конец – в Чехословакии, на Запад его пускать нельзя! Это же психическая травма!

Вернувшись в отель, мы выяснили, что Поэт-метеорист ожил и сидит в баре над бокалом пива, бормоча что-то про чаек:

– И кричим в тоске: «Мы чайки, чайки...» Алла повела Пейзанку отпаивать седуксеном, а мадам Лану выдала каждому на ужин по пятьдесят франков. Наблюдая нашу радость, товарищ Буров предупредил, чтобы мы губы-то особенно не раскатывали, ибо раньше принимающая фирма действительно частенько выдавала деньги на ужин и даже иногда на обед, но после того, как в советских тургруппах начались повальные голодные обмороки, эту практику прикрыли.

Мы со Спецкором отправились в наш номер, вскрыли баночку мясных консервов, порезали колбаски, сырку, вскипятили чай. По ходу дела сосед рассказал мне историю о том, как один известный спортивный комментатор в отеле, за рубежом, заткнув раковину соответствующей пробочкой, с помощью кипятильника готовил себе супчик из пакета – и задремал... В результате – грандиозное замыкание и чудовищный штраф.

Поев, мы завалились в постель – каждый со своего края, – и Спецкор при помощи дистанционного пульта включил телевизор: шла реклама. Насколько я мог впетриться, роскошная блондинка расхваливала какой-то соус. Поначалу она, облизываясь, поливала им мясо и жареную картошечку, а потом просто-напросто, как в ванну, нырнула в гигантскую соусницу. Спецкор порыскал по программам и нашел информационную передачу типа нашего «Времени».

– Ты чего-нибудь понимаешь? – спросил я.

– Спасибо папе-маме, на репетитора не жалели. Волоку помаленьку!

– А мои жалели, – вздохнул я. – О чем хоть говорят-то?

– Над нами издеваются...

На экране возникло узкоглазое астматическое лицо Черненко.

– Клевещут, что якобы генсек шибко приболел, – перевел Спецкор.

– И точно! Последний месяц никого не провожает, не встречает... Вот смеху будет, если помрет!

– А знаешь анекдот? – оживился Спецкор. – Значит, мужик на Красную площадь на очередные похороны ломится. Милиционер спрашивает: «Пропуск!» А мужик: «У меня абонемент!..»

– А знаешь другой анекдот? – подхватил я. – Очередь в железнодорожную кассу. Первый просит: «Мне билет до города Брежнева, пожалуйста!» Кассир: «Пожалуйста!» Второй просит: «А мне до города Андропова!» Кассир: «Пожалуйста!» Третий просит: «А мне до города Черненко!» Кассир: «Предварительная продажа билетов за углом!»

Хохотал Спецкор громко, азартно, по-кингконговски колотя себя в грудь:

– Ну народ! Ну языкотворец! Предварительная... Жуть кошмарная!

Потом начался американский боевик. Я почти все понял и без перевода: Кей-Джи-Би готовит какую-то людоедовскую операцию, сорвать которую поручено роскошному суперагенту, владеющему смертельным ударом карате. Переупотребляв всю женскую часть советской резидентуры и переубивав мужскую часть, он, наконец, добирается до самого главного нашего генерала, руководящего всей операцией. У генерала – полковничья папаха, звезда героя величиной с орден Славы и любимое выраженьице: «Нэ подкачайтэ, рэбьята!» Суперагент засовывает генерала в трансформаторный ящик, где тот и сгорает заживо. Заканчивается фильм тем, что суперагент, получивший за выполнение задания полмиллиона, отдыхает на вилле в объятиях запредельной брюнетки, а проходящий мимо окна мусорщик достает микрофончик и докладывает: «Товарищ майор, я его выследил!»

– Чепуха! – фыркнул я.

– У каждого своя «Ошибка резидента», – рассудительно заметил Спецкор.

И совсем уже поздно, когда, наверное, уснули даже самые непослушные дети, началась викторина, суть которой сводилась к тому, что, если пытающая счастья девушка не может ответить на вопрос ведущего, она снимает с себя какую-нибудь часть туалета. Если же она угадывает, раздеваться приходится ведущему. Первая девица (а разыгрывался «мерседес») очень

скоро осталась в одних ажурных трусиках и, не ответив на последний вопрос, с гримаской притворного отчаяния уже потянула было трусики книзу, но тут ведущий замахал руками и что-то закричал.

– Если она это сделает, передачу запретят за безнравственность, – перевел Спецкор.

– Перестраховщики! – расстроился я.

– Обидно, – посочувствовал мой сосед.

– У нас такого никогда не будет! – сказал я.

– Это точно, – согласился он.

Следующая девица, надо отдать ей должное, прилично подраздела ведущего, но в конце концов и сама осталась в трогательных панталончиках. Ей присудили поощрительный приз – тур на Канары.

– Слушай, сосед, – сказал мне Спецкор. – У меня тут в Париже есть знакомая... Мадлен... Я ее в прошлом году в Домжуре снял... Тоже журналистка. Возможно, завтра я не приду ночевать...

– Ну конечно, с ней в одной койке поинтереснее, чем со мной!

– Конечно... Так вот, ты не волнуйся, а главное – не поднимай шума...

– Спи с ней спокойно, дорогой товарищ! – успокоил я его. – Но вообще-то будь поосторожнее!

– Думаешь, кто-нибудь постукивает глубинщикам?

– Кому?

– В Комитет Глубинного Бурения – КГБ...

– Думаю...

– Кто?

– Профессор...

– Не-ет... Он староват для этого дела... И потом глубинщики по-другому выглядят...

– А кто же тогда?

– Не знаю... – пожал плечами Спецкор. – Может, этот кролик из общества дружбы. Их там полно – работа такая... Ладно, давай спать. Завтра у меня взятие Парижа. Если Мадлен на своем поле выступит лучше, чем в Москве, я предложу ей руку и сердце. Ты хранишь?

– Иногда...

– Ясно, – кивнул он и достал из тумбочки беруши.

Засыпая, я думал о том, что, не дай бог, Спецкор соскочит к своей Мадлен и тогда глубинщики меня затаскают...

10

В семь часов утра нас разбудили стук в дверь и бодрый голос Друга Народов:

– Через двадцать минут в штабном номере утренняя оперативка. Явка строго обязательна!

Потом мы слышали, как он барабанит в соседний номер и объявляет то же самое. Пришлось подниматься.

– Как ты думаешь, – спросил меня Спецкор, выглядывая из ванной с зубной щеткой в руке, – Буров действительно дурак или прикидывается?

– Не знаю... Окончательно выяснится, когда он доберется до самого верха...

– И в этом наша трагедия! – покивал Спецкор.

В номере рукспецтургруппы собрались все, кроме Поэта-метеориста и Пейзанки. Побледневшая Алла шепнула мне, что провозилась со своей соседкой почти целую ночь: таблетками отпаивала, утешала, чуть не колыбельные пела, та вроде бы успокоилась, но из отеля выходить наотрез отказывается – боится новых впечатлений.

Пока товарищ Буров признавал минувший день удовлетворительным и распространялся по поводу укрепления дисциплины в группе, Торгонавт рассказал, что Поэт-метеорист пропил в баре свои франки, теперь не может голову оторвать от подушки, умоляет принести опохмелиться и обещает вернуть с премии. Одним словом, «белка» – белая горячка.

На утренней планерке постановили: Поэта-метеориста и Пейзанку оставить в покое, так как он не может выйти из номера, а она – не хочет.

Шведский стол – уникальная возможность из пестрой толпы завтракающих людей выявить соотечественников. Если человек наложил в свою тарелку сыр, ветчину, колбасу, кукурузные хлопья, булочки, пирожные, яблоки, груши, бананы, киви, яичницу-глазунью, а сверху все это полил красным соусом, – можешь, не колеблясь, подойти к такому господину, хлопнуть по плечу и сказать: «Здорово, земляк! Мы из Москвы. А ты?» Но, судя по всему, кроме нас, советских в отеле больше не было.

Наевшись до ненависти к себе, мы отправились в автобусную экскурсию по городу: Елисейские Поля, Тюильри, собор Парижской Богоматери, Центр Помпиду... Мадам Лану неутомимо объясняла, что, кем и когда было построено, кто, где и когда родился, жил, умер.

– Такое впечатление, что они домов не ломают, а только строят новые, – глядя в окошко, заметила Алла.

– Для того чтобы сломать дом, его нужно купить, – объяснил Спецкор.

– Ну, тогда бы они разорились на одном нашем Калининском проспекте! – вставил я и поймал настороженный взгляд Диаматыча.

Подъехали к Эйфелевой башне. Вблизи она напоминала гигантскую опору линии электропередачи. Мадам Лану рассказала, что поначалу французы были резко против этого чуда инженерной мысли, но потом привыкли и даже полюбили. А к двухсотлетию Великой французской революции башню должны отремонтировать.

– Тоже к круглым датам пену гонят! – не удержался я.

– Это – общечеловеческое! – добавил Спецкор.

– Вы мешаете слушать! – сердито одернул нас Диаматыч.

Я глянул на Спецкора с выражением, означавшим: «Ну, теперь-то ты убедился?» Он ответил мне движением бровей, которое можно было перевести так: «Возможно, ты не так уж далек от истины, сосед!»

Мадам Лану объяснила, что подъем на башню программой не предусмотрен, но у нас будет свободное время, и каждый сможет насладиться незабываемой панорамой Парижа. Стоит это недорого – тридцать пять франков. По тому, как все переглянулись, я понял: никто, вклю-

чая меня, не насладится незабываемой панорамой, предпочитая памяти сердца грубые потребительские радости.

Обедать нас повели в китайский ресторанчик, перед входом в который стоял большой картонный дракоша и держал в лапках рекламу, обещавшую роскошный обед всего лишь за тридцать девять франков девянсто девять сантимов. Обед был действительно очень вкусный, но впечатление подпортил Спецкор, сболтнувший, будто изумительное мясное рагу приготовлено из собаки. Особенно переживала Алла, ибо дома у нее остался не только сын Миша, но и пудель Гавриил. Потом был музей Орсе. Перед входом, на площадке, окаймленной каменными фигурами, выстроилась довольно приличная очередь.

– Ура! – закричал Торгонавт. – Я выиграл!

– Я бы вам не отдал коньяк! – огорошил его Спецкор. – Очередь за искусством – это святое...

Мадам Лану объяснила, что раньше здесь был обыкновенный вокзал, но со временем необходимость в нем отпала и его переоборудовали в музей искусства XIX века.

– Они из вокзалов – музеи, а мы из музеев – вокзалы! – сказал я.

– Молодой человек, вы забываете, где находитесь! – возмутился Диаматыч.

– Он уже вспомнил и больше не будет! – поручился за меня Спецкор, а бровями показал: «Да, сосед, ты абсолютно прав!»

Когда мы вошли в музей с высоким переплетчато-прозрачным, как у нас в ГУМе, потолком, мадам Лану разъяснила, где что можно посмотреть, и вручила каждому по бесплатному проспекту. Мы разбрелись кто куда. Пипа Суринамская завистливо бродила возле портретов салонных красавиц и внимательно разглядывала их туалеты. Гегемон Толя пошел искать WC и застрял возле крепкотелых майолевских женщин. Товарищ Буров и Друг Народов остановились возле «Олимпии» и заспорили, сколько она могла бы потянуть на аукционе в Сотби. Удивил Торгонавт: он рассматривал картины через сложенную трубочкой ладонь и приговаривал: «Какие переходы! Какой мазок!» Увидев нас, он обрадовался и повел показывать «умопомрачительного» Пюви де Шаванна. При этом он возмущался тем расхожим мнением, которое бытует о торговых работниках, а ведь среди них есть люди тонкие, образованные. В частности, он, Торгонавт, уже много лет собирает молодой московский авангард.

После музея был запланирован официальный визит в советское посольство. В автобусе Алла наклонилась ко мне и тихо сказала:

– Костя, у меня к вам просьба!

– Слушаю и повинуюсь! – ответил я, точно джинн, скрестив на груди руки.

– Буров просил меня вечером зайти к нему в номер...

– Зачем? – ревниво спросил я.

– Сказал, хочет посоветоваться... Я же в активе руководства...

– Ага, посельсоветоваться! Ясно...

– Костя, я прошу вас, – и она положила свою ладонь на мою руку. – Я пойду в десять часов. А вы через пятнадцать минут постучитесь к нему. На всякий случай... Вообще-то я уверена, что справлюсь сама. Знаете, бабушка научила меня специальному взгляду, отрезвляющему мужчин...

Алла вдруг отстранилась, вскинула голову и окатила меня ледяным презрительным взглядом, явно обладающим нервно-паралитическим воздействием.

– Ну, как? – спросила она, снова наклоняясь ко мне. – Действует?

– На меня действует, – сознался я. – А как на Бурова, не знаю. Так что постучу обязательно, тем более что я обещал Пековскому...

Алла посмотрела на меня с каким-то недоумением, разочарованно улыбнулась и отвернулась к окну...

Здание посольства – монстр, появившийся на свет в результате соития конструктивизма и эпохи украшательства, – располагалось, как объяснила мадам Лану, в чрезвычайно фешенебельном районе Парижа. Встретили нас так, как встречают гостей, от которых не удалось отвязаться. Подтянутые ребята нехотя проводили нас в комнату, куда минут через десять нехотя зашел молодой человек, удивительно похожий на нашего Друга Народов (они даже переглянулись), но только с величественной усталостью в движениях и ровными зубами. Пока товарищ Буров докладывал о целях и задачах нашей спецтургруппы, молодой дипломат кивал и с недоверием разглядывал скороходовские башмаки Гегемона Толи.

– Нравится Париж? – спросил он отечески.

– Очень! – простодушно ответили мы.

– Может быть, нужна наша помощь? – поинтересовался он таким тоном, что попросить после этого о чем-либо мог лишь человек, напрочь лишенный совести.

– Нет. У нас все в порядке, – ответил Друг Народов, поедая глазами своего везучего двойника. – Группа дружная, дисциплинированная...

Томный полпред равнодушно кивнул, внимательно поглядел на часы и для вежливости полюбопытствовал:

– Может быть, есть вопросы?

– Скажите, а трудно здесь работать? Все-таки капиталистическое окружение! – заискивающе спросил Диаматыч.

– Даже не представляете себе, как трудно! – вдруг оживился он. – Страшно тяжело! Все время на нервах. Все время буквально в боевой готовности! Вот позавчера: опять диверсия... Выхожу на улицу, чтобы поехать за город, а у моего «мерса» проколота шина... Понимаете?

– Ужасно! – вдруг вылетело у меня. – А я вот недавно оставил велосипед возле универсама, возвращаюсь – нет! Представляете?!

Международный юноша поморщился и встал, давая понять, что после такого глумления говорить ему с нами просто не о чем... Возле автобуса Друг Народов набросился на меня с упреками:

– Как вы посмели?! Это такой уровень!

– Ну и правильно! – заступился за меня Спецкор. – Нечего выпендриваться!

– Делаю вам замечание, Гуманков! – сурово предупредил товарищ Буров.

Вечером, после хорошего ужина с вином, проводив на свидание с Мадлен Спецкора и вполглаза глядя по телевизору фильм о том, как в оккупированном Париже расцветает любовь Катрин Денёв и Жерара Депардьё, я обдумывал неизбежность драки с товарищем Буровым и восстанавливал в памяти свои скромные навыки рукопашного боя. Лет семнадцать назад в строительном отряде меня крепко поколотили деревенские мордовороты только за то, что я из коровника, который мы строили, забрел в село. Вот, собственно, и весь навык. Потом я почему-то вспомнил, как тем же летом, в том же стройотряде Пековский оприходовал ту невзрачную девицу с экономического факультета, свою будущую жену, а после уверял, что даже понятия не имел, кем работает ее папа, а если бы имел понятие, то ни за что не стал бы иметь ее – девицу. Девица, разумеется, подзалетела, а Пековский, который уже отправил в больницу на разминирование двух отзывчивых однокурсниц, вдруг ни с того ни с сего взял и женился на жертве своего любовострастия. Ребенка она, кстати сказать, доносить не смогла, а поскольку в стройотряд они больше не выезжали, то и детей у них не было.

В 22.10 я, как часовой, стоял у двери товарища Бунова и чутко прислушивался к происходящему в номере. Тишина. Легкое позвякивание чего-то стеклянного. Потом приглушенная музыка. Ничего, напоминающего посягательство на женскую добродетель. Я обдумывал, как буду объяснять сердитому на меня рукспецтургруппы свой поздний визит, когда открылась дверь другого номера и оттуда крадущейся походкой вышел Диаматыч, одетый в синюю шерстяную олимпийку «А ну-ка, дедушки!» и кожаные тапочки.

«Докладывать пошел, гад!» – подумал я и незаметно последовал за ним.

Как и следовало ожидать, спустившись в холл, он сразу подошел к телефону-автомату, при помощи которого, между прочим, можно было позвонить даже в Москву, и снял трубку. Когда, прячась за колоннами, я приблизился настолько, что мог слышать его голос, разговор уже шел к концу.

– Нет, завтра мы в семьях... Послезавтра... В одиннадцать... Раньше нельзя, у нас программа... Да и, конечно, конспирация... Нет, ничего не изменилось... Следят за каждым шагом... Около льва... Я тоже...

Вслушиваясь в его слова, я механически глянул на часы и обомлел: 22.28. Черт подери, пока я выслеживаю этого старого глубинщика, Алла там, в номере, в лапах мордатого Бурова. Бедняжка, она надеется остановить этого жлоба при помощи бабушкиного взгляда! Я рванулся назад...

Они стояли на пороге номера и церемонно прощались. Товарищ Буров нежно удерживал ее пальцы в своей лапе и журчал:

– Ничего не поделаешь, но на один день вам придется стать моей женой...

– Все это так неожиданно... – жеманилась Алла, стараясь отнять руку.

– Есть у советских людей такое слово – «надо», Аллочка! Слышали?

– Приходилось... – вздохнув, отвечала она.

Приметив меня, рукспецтургруппы с неожиданным добродушием заметил, что отбой был уже полчаса назад. Алла даже не посмотрела в мою сторону.

11

Утром, когда я умывался, вернулся Спецкор – загадочно-бледный и томно-вялый.

– Ну и как? – спросил я.

– Париж – город влюбленных! – ответил он и упал на кровать. – Если будут спрашивать, почему меня нет на планерке, скажи им, что я выпит до дна...

Но на планерке было не до моего выпитого соседа: мучительно решали, что делать с Поэтом-метеористом и Пейзанкой. Постановили: пускать их в простые французские семьи невозможно, так как он может навсегда исказить представление о советском творческом работнике, а она – окончательно чокнуться. Пусть сидят в отеле и приходят в себя.

Потом говорили о распределении по семьям. Товарищ Буров разъяснил, что при составлении списков учитывались запросы как нашей, так и французской стороны. Друг Народов, выставив по-заячьи зубы и прихихикивая, добавил, что французы – затейники, любят разные штучки и вот учудили: каждому члену нашей группы выдается картонная половинка какого-нибудь животного, а вторая половинка – у французов. Таким образом, как и предполагал старик Платон, каждый находит свою половину. Мне досталась ушастая ослиная голова.

Во время завтрака обсуждались баснословные случаи, когда, попав в богатую буржуазную семейку, советские туристы возвращались домой сказочно одаренными. Так, например, в прошлом году зафиксирован факт, когда владелец фирмы готового платья одел своего гостя буквально с головы до ног. Ходят также легендарные слухи о подаренных двухкассетниках, видеомагнитофонах, даже телевизорах. Сомнение вызвала история новенького «рено», якобы презентованного чрезвычайно полюбившемуся советскому гостю. Особенно много таких фантастических случаев знал Торгонавт.

– Еще египтяне считали, что крокодилы приносят удачу! – говорил он, показывая всем остальным свою половину с длинной зубастой пастью.

За завтраком Алла села рядом со мной, но ела молча, не отрывая глаза от тарелки, и лишь однажды царапнула меня отчужденным, бабушкиным взглядом. Разумеется, первым не выдержал я:

– Не надо так на меня смотреть... Случилось непредвиденное...

– Возможно, но на вас, Костя, нельзя положиться...

– На вас тоже...

– Что вы имеете в виду?

– Я имею в виду ваши матримониальные планы!

– Я женщина свободная!

– Оно и заметно...

Йогурт – к изумлению аборигенов, мы сгваздывали по три-четыре упаковки за завтрак, чтобы попробовать разные сорта – вишневый, клубничный, банановый, апельсиновый, черничный и так далее, – так вот, йогурт мы ели во враждебном молчании. Гегемон Толя, к полному ужасу официантов, приволок со шведского стола огромный ананас, имевший явно рекламное назначение и даже для долговечности покрытый глицерином. Пока звали метрдотеля, Толя уже отломил жесткое зеленое оперение и по-арбузному, прижав ананас к груди, взрезал его зубчатым столовым ножом.

– Ладно, – нарушила молчание Алла. – Если вам наплевать на меня, сдержите по крайней мере слово, которое вы дали Пековскому!

– Что я должен делать?

– Когда будут распределять по семьям, стойте рядом со мной.

– И только-то?

– Достаточно...

Распределение по семьям происходило в холле. Французы оживленно переговаривались, смеялись и помахивали своими половинками картонных зверушек. Мадам Лану что-то сказала им – и это было, как выстрел из стартового пистолета.

– Пролетарии всех стран, соединяйтесь! – пробурчал еще сонный Спецкор, рассматривая своего с опозданием полученного полужирафа.

Первой соединилась Пипа Суринамская. Ее хозяйка оказалась такой же дородной и осанистой, поэтому, чтобы приветственно чмокнуться, им пришлось основательно вмяться животами друг в друга. Кажется, товарищ Буров не соврал: при распределении действительно учитывались взаимные интересы. Ослабленного Спецкора увел длинный француз в берете и свободной блузе «гогеновке» – скорее всего, художник. Друга Народов забрал респектабельный, до синевы выбритый господин, несомненно имевший отношение к финансово-банковской системе.

Товарищ Буров наблюдал за этой разборкой с полководческой усмешкой, иногда при этом он нежно поглядывал на Аллу и снисходительно – на меня. А тем временем оборванный парень с петушиным гребнем на голове, заглядывая в картонку, изображавшую крокодилий хвост, словно в бумажку с адресом, шел вдоль наших поредевших рядов.

– Почему я? – всхлипнул Торгонавт и спрятал за спину зубастую пасть аллигатора.

– Судьба! – посочувствовал я.

– К черту! – прошептал Торгонавт, метнулся к Гегемону Толе, равнодушно ожидавшему своей участи, и быстро поменялся с ним картонками.

– На хрена? – удивился Гегемон Толя, обнаружив, что носорог в его руках вдруг превратился в крокодила.

– Буров велел! – объяснил коварный Торгонавт.

– Ну и хрен с ним! – смирился обманутый.

Обмен привел к тому, что через минуту Торгонавт уже пожимал руку стройному седовласому кюре, одетому в строгий костюм со стоячим клерикальным воротничком. Кисло улыбаясь, Торгонавт давал понять, что святой отец, конечно, не предел желаний, но все-таки лучше, чем немый панк!

А панк тем временем высмотрел в мозолистой руке Гегемона Толи недостающую половинку своей рептилии, приблизился, восторженно оглядел его с ног до головы и, тщательно коверкая русские слова, сказал:

– Ви э-э-э есть... наша... гость... Ви?

– А хрен его знает...

– Как э-э... вам зовут?

– Толик...

Тогда парень, тряхнув своим петушиным гребнем, обернулся и крикнул в распахнутые двери отеля:

– Мама́, папа́! Мосье Толик...

Там, на тротуаре, возле ослепительного, длиной вполуплицы лимузина стояла аристократическая пара: у мужчины в петлице был цветок, кажется, орхидея, а женщина куталась в серенькое манто.

– Костя, а вы знаете, что это за мех? – тихо спросила Алла.

– Кажется, мерлушка...

– Сами вы мерлушка. Это – шиншилла!

Уводимый кюре Торгонавт оглядывался на все это полуобморочным взором и шарил по карманам с той нервной торопливостью, с какой обычно ищут валидол. А Гегемона Толю уже бережно влекли к лимузину, пожимали руку, выскочивший из машины шофер с полупоклоном открывал ему дверцу, а господин с орхидеей помогал забраться в сафьяновое нутро автомобиля, который наконец плавно тронулся и тянулся вдоль окон долго-долго, как поезд. И по

тому, каким мечтательным взглядом проводил их товарищ Буров, я осознал: изначально аристократическая семейка предназначалась ему, но рукспецтургруппы пожертвовал очевидной выгодой ради иных, более дорогих удовольствий.

У бедного и безвластного мужчины есть одно преимущество: если женщина ему и достается, то даром.

Алла незаметно толкнула меня локтем в бок: перед нами стояла пожилая чета – старичок в добротном клетчатом пиджаке, пестром платке, повязанном вокруг морщинистой шеи, и фиолетово-седая дама в брюках и кофте с глубоким вырезом. Они смотрели на нас, улыбаясь совершенно одинаково, – так бывает у супругов, проживших вместе всю жизнь. Дама протянула Алле свою половинку медвежонка и что-то зажурчала по-французски.

– Мы очень рады, что нам пошли навстречу и предоставили возможность принять у себя советскую супружескую пару! – перевела Алла и посмотрела на меня со строгостью.

Но пока она отвечала французам пространной и, судя по выражению их лиц, тонкой любезностью, товарищ Буров, торжествуя, подвел ко мне толстенького господина в полицейской форме и представил:

– Мосье Гуманков – рашен програмишен...

– Ес ит из! – обрадовался ажан, тоже, видимо, не полиглот.

Алла засмеялась, взяла из моих рук ушастую ослиную голову и приложила ее к хвостовой части, которую держал француз.

– Хау проблемз? – озадачился товарищ Буров.

Алла долго что-то разъясняла по-французски, в результате чего старички громко засмеялись, а полицейский восторженно хлопнул рукспецтургруппы по спине.

– Фальшен ситуэйшен! – взмолился товарищ Буров, догадываясь, что становится жертвой чудовищного по своей несправедливости обмана.

Алла улыбнулась и, понизив голос, сообщила что-то специально служителю закона. В ответ он щелкнул каблуками и, взяв нашего руководителя профессиональной хваткой, повлек его к стоявшей у дверей полицейской машине, умчавшейся в тот же миг с пронзительным воем.

– Что ты ему сказала? – спросил я.

– Когда?

– Сейчас.

– Сказала, что товарищ Буров с удовольствием отдает себя в руки славной французской полиции...

– Понял... А до этого?

– До этого... – Алла посмотрела на меня с сомнением. – Пусть это останется моей маленькой тайной. Но боюсь, что больше меня за границу не пустят...

– Меня-то уж точно не пустят... – вздохнул я.

12

Наши хозяйка – мадам Марта и месье Антуан – оказались пенсионерами, а в прошлом школьными учителями: она – химии, он – истории. Пока на метро мы ехали к ним домой – на северо-запад Парижа, выяснилось, что у них две дочери, обе замужем: младшая – в Риме, а старшая – в Лионе. Мадам Марта, совсем как советская бабушка, постоянно ездит по дочкам и помогает растить четырех внучат. Месье Антуан, что типично для учителя истории, выйдя на пенсию, занимается Великой французской революцией, а также коллекционирует холодное оружие той эпохи.

Кстати, парижское метро не имеет ничего общего с нашими подземными дворцами: голая функциональность плюс большие рекламные щиты. Мне кажется, следующая цивилизация, раскопав останки нашего метрополитена, долго будет ломать голову над прежним назначением этих мраморных колонн, мозаичных панно, расписанных потолков... Как водится, возникнут гипотезы: культовая (ритуальные знаки – кабалистические звезды и перекрещенные орудия труда), сатурнально-эротическая (обилие изображений женщин с подчеркнутыми половыми признаками), внеземная концепция (изображение летательных снарядов и людей в скафандрах)... Но чудака, который выскажет бредовую мысль, будто все это имело всего лишь транспортное назначение, обсмеют и лишат ученой степени.

Еще я заметил, что в парижском метро много цветных – примерно столько же, сколько в московском – приезжих. Через Аллу я решил прояснить этот вопрос, и месье Антуан с выстраданным интернационализмом сообщил, что Париж становится новым Вавилоном.

– Это плохо? – уточнил я.

– Это неизбежно! – мужественно улыбнулся бывший учитель истории.

Наши новые французские друзья жили в многоэтажном доме, отдаленно напоминающем московские башни улучшенной планировки, выстроенные специально для каких-нибудь могучих организаций. В подъезде, правда, не было выгородки с дотошным дежурным ветераном, но зато парадную дверь месье Антуан открыл своим собственным ключом, чем, наверное, и объяснялась министерская чистота на лестнице и противоестественная нетронутость полированных стенок лифта. Пока мы поднимались на восьмой этаж, мадам Марта объяснила, что раньше они имели квартиру побольше и поближе к центру, но после того как дочери разлетелись из родительского гнезда, решено было перебраться сюда: и подешевле, и потише... А воздух!

Квартирка состояла из трех комнат, кухни-столовой, просторной прихожей и двух ванн-туалетов – одним словом, мечта народного депутата! Нас определили на жительство в просторной комнате с широким супружеским ложем. Двухспальные кровати просто преследовали меня! На крашенных стенах висели шпаги, палаши, кинжалы и даже алебарда. Нам разъяснили, что в этой комнате, когда наезжают, останавливаются дочери с мужьями. Алла озабоченно посмотрела сначала на постель, потом на меня и вздохнула. Как только мы остались одни, я предложил:

– Давай скажем, что у нас в СССР супруги спят отдельно!

– Не поймут... Еще подумают, что мы поссорились...

– А что бы ты делала, если бы на моем месте все-таки оказался Буров? – ехидно спросил я.

– То же самое – переодевалась...

– Мне выйти?

– Можешь просто отвернуться...

– А Буров не отвернулся бы...

– Константин Григорьевич! – гневно, по-бабушкиному глянув на меня, прикрикнула Алла. – Вы дурак и зануда, станьте в угол!

Слушая мягкое шуршание за моей спиной и опасливые предупреждения Аллы о том, что она еще не готова, я думал об одной странной особенности моего мужского воображения: чем красивее женщина, тем труднее мне представить ее наготу. Вот и сейчас я совершенно бессилён вообразить Аллу без одежды. Мне кажется, если я вдруг обернусь, то увижу нечто вроде огромной куклы: лицо, глаза, ресницы, волосы, руки, ноги, а посередине бесполое тряпичное туловище, сшитое из разноцветных лоскутов.

– Я готова! – сообщила она. На ней было нежно-лиловое шерстяное платье, черные лаковые туфельки и такой же пояс. – Костя, какие у вас сувениры?

– Самовар. А у вас?

– Матрешки. Вручение даров только по моей команде. Ясно?

– Ясно.

Обед начался с салата, политого маслом и посыпанного чем-то хрустящим. А потом был классический луковый суп, о котором я много слышал и прелесть которого так и не понял. Говорили о семейной жизни. Оказалось, во Франции, как и у нас, жуткое число разводов, семьи распадаются, безотцовщина и прочие кошмарные вещи. Со слов Аллы я понял, что желание наших хозяев принять у себя советскую супружескую пару связано с тем, что они состоят в каком-то добровольном обществе спасения семьи как основы общества и очень рады видеть нас – молодых, красивых, дружных, удивительно подходящих друг другу. Незаметно показав мне язык, Алла принялась рассказывать о нашем изумительном браке. Оказывается, мы познакомились еще в студенчестве и женаты двенадцать лет! Нашему Мише («О, Мишель!») – десять годков, он занимается музыкой, языками, футболом...

– И синхронным плаванием! – бухнул я, вспомнив, как водил Вику в эту самую секцию, ждал ее в сыром предбаннике бассейна, как она старалась и даже научилась высовывать ножку из воды, а потом охладела, простудилась и бросила это самое синхронное плавание.

Алла тяжело вздохнула и продолжала свой рассказ, изредка поясняя мне, о чем идет речь. Оказалось: помимо шикарной квартиры, у нас дача и два автомобиля: один – мой, а второй – ее. Дальше – больше! Мы оба увлекаемся большим теннисом, а служим программистами в престижной фирме. И эта единственная правдивая информация привела наших хозяев в бурный восторг. Мы узнали, что программисты – люди очень обеспеченные, не то что учителя...

Во время второго блюда, тушеного мяса, которое мы запивали сухим красным вином, напоминающим наше «каберне», обсуждали потрясший наших хозяев факт, что проезд в советском метро стоит всего пять копеек. Эти сведения сообщил я, совершенно забыв про свой автомобиль. Месье Антуан долго считал, царапая карандашом по салфетке, потом показал результат жене, – и они хором застонали. Чтобы вывести их из шока, Алла дала команду нести дары. И мы узнали, что матрешки – их давняя любовь, а самовар – недостижимая мечта! Восторг был полный!

После короткого совещания с мадам Мартой месье Антуан удалился и скоро вернулся с запыленной бутылкой. На этикетке значился 1962 год! Он глядел на нас в ожидании ответного восторга и получил его в полной мере. Выяснилось: каждый сезон они покупают несколько дюжин бутылок нового вина, часть выпивают, остальное хранят в чулане. Год от года вино становится выдержаннее, вкуснее, крепче, а значит, – дороже. «Ведь в шестьдесят втором, – страстно рассказывал месье Антуан, – эта бутылка стоила всего несколько франков, а нынче – минимум сто!» Кстати, на сегодняшний день это самое старое вино в их коллекции.

Вино пили с сыром – сортов десять было разложено на большом фарфоровом блюде. На вопрос, любят ли сыр в России, мы ответили утвердительно и стали перечислять исторические названия: костромской, ярославский, пошехонский, степной, пикантный, голландский, колбасный, сулугуни, плавленый сырок «Дружба»...

– За дружбу! – почти по-русски провозгласил месье Антуан и поднял свой бокал с темно-красным, но не ярким, а словно чуть выцветшим вином урожая 1962 года, когда я пошел в чет-

вертый класс. Вино было сухое, терпкое и очень крепкое, от него сразу затеплилось внутри, как от «Старки».

Потом снова говорили о детях, внуках, мадам Марта показывала фотографии, и Алла в самый последний момент пресекла мою попытку достать из бумажника снимок Вики в пионерской форме. Месье Антуан снова куда-то ушел и принес резную шкатулку из черного дерева. Внутри на красной бархатной подушечке покоился кинжал с инкрустированной ручкой. Понизив голос, бывший учитель истории сообщил, что, возможно, именно этим кинжалом был смертельно ранен Лепелетье. Мадам Марта театрально расхохоталась и что-то раздраженно сказала мужу, тот нахмурился и унес шкатулку, держа ее в руках осторожно, словно отец – позднего ребенка. Из перевода раскрасневшейся от вина Аллы я понял, что несовпадение взглядов на историческую достоверность кинжала, а главное, на его цену, несколько омрачает безоблачную старость супругов.

Спать мы разошлись за полночь. Я еще походил по квартире, якобы рассматривая коллекцию оружия, а на самом деле давая возможность Алле нестесненно подготовиться ко сну. Когда я вступил в нашу комнату, она уже лежала на краешке ложа, до горла закрывшись одеялом, а в воздухе витал свежий запах ее духов.

– Я на тебя не смотрю! – успокоила она и закрыла глаза.

«Было бы на что смотреть!» – подумал я, разувшись, и на всякий случай спрятал носки в карманы брюк.

Позже, выйдя из ванной, примыкавшей к нашей комнате, я ощутил себя гораздо увереннее, привлекательнее и чище.

– Теперь мне понятно, почему товарищ Буров... – игриво начал я.

– Товарищ Буров зря надеялся... – ответила Алла, не открывая глаз.

– А я?

– И не мечтай!

– А как же супружеский долг?

– Я буду кричать!

– Тогда французы подумают, что советские женщины – нимфоманки!

– Неужели ты этим воспользуешься? – спросила она тихо и еще крепче зажмурилась.

– Можешь не сомневаться.

– А мне казалось, ты не такой, как все...

Поразительно, но эта среднешкольная уловка, с помощью которой некогда мои одноклассницы пытались пресекать попытки во время танго сдвинуть ладонь чуть ниже талии, подействовала на меня совершенно обескураживающе. Я осторожно снял со стены шпагу с резным эфесом и, отсекая себе путь к соблазну, положил ее на постель – вдоль сокрытого одеялом Аллиного тела, а сам осторожно улегся по другую сторону клинка.

– Можешь открыть глаза.

– Это по-рыцарски! – после некоторого молчания сказала она. – Ты прелесть...

Шпага начищенно блестела, и только внутри глубокого кровотока сохранилась чернота времени. Алла выключила ночник. От ее тела исходил какой-то странный, одновременно пряный и очень домашний запах, и чем дольше я вдыхал его, тем явственнее ощущал, как внутри меня все туже и туже закручивается сладостная пружина безрассудства. О том, что случится, когда она – очень скоро! – распрямится, я догадывался и потому встал с постели, ощупью нашел в темноте кресло и устроился там в позе эмбриона, укрывшись своим пиджаком. Вино 1962 года почти заставило меня позабыть, что у Аллы нет наготы.

– Там удобнее? – спросила она.

– Спокойнее.

– Ты настоящий мужчина, – вздохнула Алла. – Я тебя уважаю...

– А зачем ты врала им про нас?.. И еще про дачу, теннис, машины?..

- Не знаю... Пусть думают, что мы счастливые и богатые...
- Пусть...
- Но мы же в самом деле могли познакомиться в институте... И все остальное... И дача у нас могла быть... И машина... Разве нет?
- Спокойной ночи, – ответил я.
- Спасибо, – отозвалась Алла, и мне послышалось, что она улыбается.

13

Утром я проснулся от того, что в грудь мне уперлось холодное острие. Надо мной стояла Алла, и в руке у нее была вчерашняя шпага.

– Вставай, Тристан! – смеялась она.

– Я проспал? – Мне показалось, что я дома и нужно мчаться на работу.

– Преспал! – кивнула Алла.

За завтраком мы пили кофе с молоком из чашек, похожих на большие пиалы, и ели булочки с маслом и джемом. Потом нас повезли в парк, вроде Сокольников, там мы гуляли, ели мороженое и обсуждали нелегкое существование французских пенсионеров в сравнении с беззаботной житухой советских ветеранов труда. В конце концов, забывшись, я все-таки вытащил фотографию Вики, и наши хозяева, вообразив, очевидно, недоброе, все оставшееся время поглядывали на Аллу с ободряющим сочувствием.

К обеду мы должны были вернуться в лоно родной спецтургруппы. Почти у самого отеля месье Антуан вручил нам подарки – два целлофановых мешочка, в которых лежали белые носки с надписью «теннис», матерчатые повязки на голову и махровые браслеты, называющиеся, как выяснилось впоследствии, «напульсниками»... Из сопроводительного объяснения сияющего месье Антуана я уловил только одно слово – «хобби».

– О! – только и удалось выговорить мне.

– Ах! – воскликнула Алла и бросилась ему на шею, как если бы ей подарили «рено»...

Прощаясь, Алла и мадам Марта всплакнули.

Надо ли говорить, что Гегемон Толя вернулся с японским двухкассетным магнитофоном. Это вызвало приступы зависти различной силы у всех, а Торгонавта повергло в мрачное опеченение: ему-то была подарена хлопчатобумажная маечка с изображением Эйфелевой башни.

На оперативном совещании, проведенном сразу же после обеда и посвященном пребыванию во французских семьях, нам с Аллой был объявлен строжайший выговор за внесение злостной путаницы в утвержденный порядок расселения и целенаправленный обман надежд французской общественности. Друг Народов истерично крикнул, что за такие выходки становятся невыездыми, а товарищ Буров, обманутый вместе с французской общественностью, обиженно кивнул. В ответ Алла с чисто бабушкиным негодованием отвергла домыслы о каких-то там выходках и всю вину возложила на организаторов, которые вместо четкого распределения по спискам устроили какой-то детский сад с картонными зверушками, что и явилось подлинной причиной возникшей путаницы... А я добавил, что ошибка вышла не только с нами, но и с Гегемоном Толей, например. Нельзя же, в самом деле, на этом основании потребовать, чтобы он передал свой благоприобретенный магнитофон Торгонавту, первоначально запланированному для проживания в семье аристократов...

Торгонавт вскинулся и посмотрел на нас глазами смертельно больного человека, на мгновение вообразившего, что врачи просто-напросто перепутали пробы с анализами.

– Как вам не стыдно! – возмутился Друг Народов. – Мы вас пожалели, записали в резерв, а вы...

– Ладно, – тяжело вздохнул товарищ Буров. – Оргвыводы раньше нужно было делать... Теперь-то что говорить...

И мне стало жалко его, захотелось подойти, хлопнуть по начальственному плечу и сказать: «Не горюй, Буров, ничего же не было! Между нами лежала шпага!»

Вторым вопросом рассматривали заявление Поэта-метеориста и Пейзанки. Оказалось, пока мы прохлаждались в семьях, у них все стало совсем серьезно. Он читал ей стихи, она внимала в недоуменном восхищении, бегала в бар за выпивкой, а поутру лелеяла его похмель-

ную грусть. Для целенаправленно пьющего человека очень важно, чтобы утром был кто-нибудь рядом. Исходя из моего личного опыта, похмелье можно условно разделить на три стадии:

Плохендро-I (5–6 часов утра).

Плохендро-II (11–12 часов дня).

Плохендро-III (4–5 часов дня).

Искусство заключается в том, чтобы лаской и строго последовательным введением в организм определенных доз алкоголя избавить похмельный организм от мучений на этапе Плохендро-I, в крайнем случае, на этапе Плохендро-II, не доводя дело до ужасного Плохендро-III. Все три предыдущие жены Поэта-метеориста этим искусством так и не овладели, хотя были женщинами тонкими и образованными. А вот Пейзанка, выросшая в колхозе с прочными питейными традициями, сызмальства приставленная к безбрежно пьющим отцу, старшему брату и крестному, играючи разобралась в недужных ритмах Поэта-метеориста – все остальное упиралось в денежную проблему, но Машенька отнеслась к своим франкам с той же беззаботностью, с какой некогда ее мама – к облигациям государственного займа 1947 года. Короче, теперь, найдя друг друга, они обратились с просьбой разрешить им проживание в одном номере.

– Мы тут вам не загс! – угрюмо отрубил товарищ Буров, забыв, что сам еще вчера пытался навязаться Алле в мужья.

– Что же делать? – огорчилась Пейзанка.

– Идите в мэрию и оформите брак! – со смехом посоветовал Спецкор.

– Странные у вас шуточки! – неизвестно кого одернул Друг Народов.

Он вообще был озлоблен, так как принимавший его финансовый деятель подарил ему визитную карточку и предложил широко пользоваться услугами своего банка.

– Мы с тобою – городские чайки! – высокомерно пробубнил Поэт-метеорист, обнял свою новую подругу, и они покинули штабной номер.

Во второй половине дня нас возили по революционным местам Парижа. Мадам Лану объясняла: вот здесь стояла гильотина, а тут везли на казнь Дантона, и он крикнул: «Робеспьер, ты последуешь за мной!» А там были баррикады в 1848 году. Возложили цветы у Стены коммунаров на кладбище Пер-Лашез. В завершение отправились в музей-квартиру Ленина.

– Интересно, какие у него были суточные? – тихонько спросил меня Спецкор, осматривая помещение, в котором живал вождь.

Я хотел было пошутить про то, что суточные ему, видимо, платили большие, но потом сэкономили на проезде в германском опломбированном вагоне, но, поймав на себе исполненный священного идеологического гнева взгляд Диаматыча, промолчал.

Вечером мы лежали со Спецкором в постели, попивали красное вино из бутылки, увенчанной с ужина, и смотрели по телевизору фильм о любви стареющей врачихи к красивому, но обреченному юноше. Она делала все, чтобы облегчить его участь, даже знакомила его с хорошенькими девчущками, подглядывала, как он занимался с ними любовью в отдельной больничной палате, и плакала от ревности, нежности и бессилия...

– Ой! – вдруг подскочил я. – Забыл!

– Ты куда? – удивился Спецкор.

– Сегодня же выход на связь!

– Не забудь, что прелюдия должна быть в три раза длиннее, чем сама связь! – посоветовал он мне вдогонку.

Диаматыча я обнаружил недалеко от отеля, в скверике, возле огромного зелено-бронзового льва, под постаментом которого, если верить мадам Лану, находится лаз в парижские катакомбы. Рядом с профессором стояли не слишком молодая и привлекательная, но хорошо

одетая женщина в очках и мальчик, почти подросток, иронически рассматривавший уже знакомого мне киборга с зажигающимися глазами. Я не слышал, о чем они говорили, так как спрятался за деревом шагах в пятнадцати от них, но судя по тому, как Диаматыч мотал головой, он отказывался от каких-то настойчивых предложений женщины, которая вдруг заплакала, полезла в сумочку за платком, а мальчик, выключив киборга, с досадой посмотрел на нее и даже осуждающе дернул за рукав. Тогда женщина дала мальчику деньги и отправила к лотку с прохладительными напитками, работающему, несмотря на такой поздний час. Едва пацан, сверкая белыми кроссовками, убежал, женщина обняла Диаматыча за шею и стала гладить по голове. Поначалу он стоял, беспомощно опустив руки, а потом тоже обнял ее, но неловко и очень вежливо, точно незнакомку в танце. Воротился мальчик с тремя банками кока-колы. Диаматыч опасливо, как если бы это была граната, потянул за кольцо и именно тогда увидел меня.

Несколько мгновений мы смотрели друг другу в глаза, а потом, сжав в руке банку, как булыжник, он двинулся в мою сторону. Нет, сначала он что-то сказал женщине, и она сразу изменилась в лице. А вот мальчик, слышавший те же слова, глянул на меня без всякого интереса. Диаматыч подошел ко мне вплотную. Банка в его кулаке сплюснулась, и мокрая лампа-сина тянулась вдоль брючины. Губы у него дрожали, словно он хотел зарычать, приоткрывались, и я заметил, что верхние зубы у Диаматыча пластмассово-белые, а нижние – желтые и выщербленные.

– Все-таки выследил, филер проклятый! – задыхаясь от ненависти, проговорил он. – Шпион... Сексот... Стукач... Доносчик...

Сосредоточившись на разнообразии слов, обозначающих в русском языке эту древнюю профессию, я поначалу не въехал, что в данном конкретном случае сказанное относится непосредственно ко мне, а когда понял, то от удивления не смог вымолвить ни звука.

– Это вас не касается! – продолжал он, но уже не так кровожадно. – Это мое личное дело! Почему вы всюду лезете? Я честный человек! Я член партии! Почему я не могу увидеть женщину, которую люблю... любил...

То, что Диаматыч никакой не глубинщик, я понял сразу, как только увидел в руках у парнишки киборга, но то, что у этого старого марксоведа и энгельсолюбца здесь, в Париже, есть любимая женщина, было настолько ошеломляющим, что я снова не нашелся что ответить.

– Я знаю, вас специально ко мне приставили! – оскалился Диаматыч. – Вы меня нарочно со своим дружкой подначивали! Кололи? Да? Радуйтесь, раскололи... Теперь медаль получите! А я ее все равно должен был увидеть. Мы десять лет не виделись! Мальчик уже вырос, а я ему игрушку купил... Вы должны меня понять! Вы же тоже коммунист... У вас ведь в КГБ все коммунисты? Да? – И он с жалобной надеждой посмотрел на меня.

– Я не из КГБ. – Ко мне наконец вернулся дар речи.

– А откуда? – почти с ужасом спросил он.

– Из вычислительного центра «Алгоритм».

– Понятно, – обреченно кивнул Диаматыч. – Товарищ... Простите, не знаю вашего звания, что мне за это будет?

– Трудно сказать...

– Прошу вас, скажите правду!

– Кто эта женщина? Только сразу и честно! – строго спросил я, подражая какому-то чекисту из какой-то детективной многосериятины.

– Она была моей аспиранткой, – с готовностью сообщил Диаматыч. – Но я не мог развестись с женой... Потом она уехала к родственникам. Сюда... Я тоже мог уехать с ней... Но для меня Родина...

– Да бросьте... Я же сказал, что не из органов...

– Да, разумеется! – закивал он, давая понять, что правила конспирации им поняты и приняты к исполнению. – Что мне за это будет?

– Остаться не собираетесь? – глядя ему в переносицу, спросил я.

– В каком смысле?

– В смысле политического убежища...

– Что вы! – возмутился он и вспотел. – У меня в Москве жена полупарализованная...

Что я говорю! Я Родину никогда не продам...

– Ясно! – сурово перебил я. – Это меняет дело. Вашу ситуацию в рапорт включать не буду. Женщина. Ребенок. Это мы понимаем. Такие же люди, между прочим...

– Спасибо! – вздохнул Диаматыч, и глаза его замутились ожиданием слез.

– Сегодня уже поздно. Даю вам десять минут на окончание разговора и прощание. Завтра разрешаю вам сходить к ним в гости. Ненадолго!

– Спасибо... – заплакал он.

– Прекратите! На нас смотрят! – одернул я, поражаясь своей почти профессиональной суровости. – И запомните: мы здесь не встречались. Работаю я в вычислительном центре «Алгоритм»!

– Да... Конечно... Я понимаю... Ваша работа очень важная! Мы все должны помогать!

«Боже мой, – думал я, возвращаясь в отель. – Как, оказывается, просто и сладко быть судьей ближнего своего, как это легко и азартно карать или миловать по своему усмотрению и видеть в глазах испуг, вызванный одним-единственным словом твоим, одной-единственной усмешкой, одним-единственным жестом! Не-ет, если жизнь ни разу по-настоящему не искушала тебя, нельзя гордиться чистотой своей совести... Как нельзя гордиться тем, что, родившись в Москве, ты не «окаешь»... Но что он нашел в этой очкастой аспирантке, не понимаю!»

Поднимаясь в свой номер, после мучительных колебаний я решил поскрестись в дверь Аллы. Послышались шаги, а потом шепот:

– Кто там?

– Это я...

– Кто «я»? – уточнила Алла, явно издеваясь.

– Я, Костя...

– Ах, Костя... Тебе что-нибудь нужно?

– Поговорить...

– Поговорить? Ты со шпагой?

– Не-ет...

– Тогда спокойной ночи!

14

Утром, нежась в постели, я наблюдал, как Спецкор истязает себя гимнастикой, и с грустью думал о том, что все мои мускулы давно пропали без вести под слоем жирка, а вот он буквально весь состоит из отчетливых мышц и напоминает гипсового человека-экорше, рисовать которого мне приходилось в школе. И вообще, наверное, Спецкор относится к женщинам, как собиратель букета к степным цветикам: захотел – нагнулся и сорвал, не захотел – мимо прошел.

– Послушай, сосед... – начал я.

– Слушаю... – отозвался он, изо всех сил упираясь в стену, точно желая ее сдвинуть с места.

– А ведь Диаматыч не глубинщик...

– А я тебе с самого начала говорил...

– Послушай, сосед...

– Слушаю... – ответил Спецкор, становясь на голову.

– Ты свою француженку долго уламывал?

– Фу, Костя! – возмутился он, пребывая в антиподском положении. – Ты, наверное, хотел сказать – обольщал?!

– Ну, обольщал...

– Довольно-таки долго... Если бы я не знал французского, вышло бы гораздо быстрее. Слова – это время... – отвечал он, страдая от перевернутости.

– А ты не боишься, что у тебя из-за нее неприятности будут?

– Нет. Ради Мадлен я готов на все! Ф-у-у... – Спецкор кувырком воротился в исходное положение и начал делать самомассаж.

– Тогда нам нужно договориться... – осторожно приступил я к щекотливой теме. – Если ты... Ну... Понимаешь?

– Понимаю. Если я соскочу... Да?

– Да. Соскочишь. К Мадлен. Меня, естественно, будут допрашивать!

– Опрашивать...

– Ну ладно – про тебя расспрашивать... Что я должен говорить?..

– Вали на меня, как на мертвого! – разрешил Спецкор. Он закончил самомассаж и направлялся в ванную. – Говори, что я производил впечатление человека, беззаветно влюбленного в Родину, и что мое предательство для тебя огромное потрясение, второе по силе после родового шока, когда ты высунулся в жизнь и крикнул: «У-а!»

За завтраком дружно выпытывали у Гегемона Толи, как ему жилось в замке у аристократов. Он скупко рассказывал про гараж с десятком автомобилей, про винный погреб, способный в течение месяца поддерживать нормальную жизнь нашего районного центра, про гардеробную, где можно заблудиться в шубах и дубленках...

– Ох! – только и смогла вымолвить Пипа Суринамская.

– Вот тебе и «ох»! – разозлился Гегемон Толя. – Ну я его, падлу, урою!

– Кого? – спросил Спецкор.

– Есть кого...

Алла выглядела в то утро рассеянн-обаятельной, и официант, принесший кофе, сделал ей какой-то тонкий комплимент, на который она улыбнулась с грустной благодарностью.

– Как спалось? – любопытствовал я, допивая четвертый стакан апельсинового сока.

– Одиноко! – вздохнула Алла.

– Неужели?

– Да. Машенька ушла с поэтом гулять по ночному Парижу... Вернулись утром... Мне кажется, у них серьезно...

– Интересно, о чем они разговаривают?
– О нем, – пожалала плечами Алла. – Точнее, он говорит о себе, а она слушает и не перебивает. Мужчины врут, что им хочется понимания. На самом деле они просто хотят, чтобы женщины заглядывали им в рот...

– Не знаю... Мне в рот только дантисты заглядывают...

– О! Тогда ты еще можешь составить счастье неглупой одинокой женщине!

– Я готов.

– А за дубленкой мы сегодня идем?

– Я готов...

...Около Лувра все было перерыто и перегорожено. Здесь что-то строили, но без грязи.

– К двухсотлетию Великой французской революции, – разъяснила мадам Лану, – будет сооружена стеклянная пирамида. По проекту китайского архитектора Пея...

– Почему китайского? – удивился товарищ Буров.

– Так решено, – покачала она головой, давая понять, что и сама не в восторге от такого выбора. – В пирамиде будут входы в музей, кафе, магазин, офисы... Многие французы считают, что это ни к чему. Я думаю примерно так же...

– Но Лувр-то не снесут? – спросил я.

– Простите... Куда его должны перенести? – не поняла переводчица.

– Он хотел сказать, что Лувр ведь ломать не собираются! – пояснил Спецкор.

– Это невозможно! – замахала руками мадам Лану.

– А чего ж вы тогда волнуетесь? – выдал я. – Подумаешь, пирамида! Если бы бассейн на месте Лувра – тогда я еще понимаю!

– Молодые люди, попрошу ваше остроумие держать при себе! – решительно одернул нас Диаматыч и глянул на меня глазами прилежного ученика, ожидающего похвалы.

Сначала ходили по Лувру кучно и громко – так, что все оборачивались, – делились впечатлениями. Один советский гражданин внешторгового подвида, ласково разъяснявший своей малолетней дочке сюжет картины «Юдифь и Олоферн», завидев нас, поспешно увел прочь ребенка, чтобы не травмировать восприимчивую детскую психику преждевременной встречей с соотечественниками. Возможно, он был прав!

Поэт-метеорист. Потрясающе! Непостижимо! Великолепно! Первый раз вижу музей, где продают пиво!

Пипа Суринамская (глядя на мумию). Господи, какая худенькая!

Торгонавт (восторженно озираясь). Я хочу быть простой серой луврской мышью! Чтоб жить здесь...

Алла (возле Венеры Милосской). Все разглядывают ее наготу, а ей нечем закрыть лицо от стыда... Понимаешь?

Диаматыч (громко и внятно). Подумаешь, Лувр... Эрмитаж лучше!

Гегемон Толя (глядя на статую Гермафродита). Не понял... Ни хрена не понял!

Пейзанка. А у нас такой же мужичок в деревне был. Знаешь, как его называли?

Гегемон Толя. Как?

Пейзанка. Бабатя!

Спецкор (возле «Джоконды»). Женщину с такой улыбочкой полюбить нельзя. Все время будет казаться, что ты опять ляпнул какую-то глупость...

Товарищ Буров. Вечером надо на Пляс Пигаль сходить. А то в Москве мужики спросят – рассказать нечего...

Друг Народов. Сходим.

Постепенно спецтургруппа рассеялась, разбрелась по залам, и мы с Аллой смогли приступить к осуществлению намеченного плана, но она все никак не хотела уходить и жалобно просила разрешения походить по Лувру еще немного.

– Может, тебе искусство дороже дубленки? – съехидничал я.

– Как ты можешь сравнивать! – обиделась Алла, и мы пошли к выходу.

Времени было в обрез. Сверяясь с планом, начертанным рукой супруги моей предусмотрительной Веры Геннадиевны, мы, расталкивая удивительно вежливых прохожих, помчались по рю дю Лувр, затем по рю Монмартр, потом еще по какой-то улице, выскочили к бульвару, пересекли его и, как было предназначено супругой моей прозорливой Верой Геннадиевной, повернули налево, пробежали указанные двести метров и остановились у входа, задернутого черной бархатной гардиной, – ни витрины, ни надписи, ничего...

– По-моему, это не совсем то... – с сомнением проговорила Алла.

– А ты хочешь, чтобы дубленки за триста франков продавались у всех на виду? Их давно бы расхватили! – возразил я.

Мы вошли вовнутрь. В конце просторного, уходящего в глубь дома помещения виднелись кабинки, похожие на примерочные в наших ателье, но только вместо зеркал там были установлены небольшие телевизоры. Вдоль стен тянулись стеклянные витрины со всякой ошарашивающей всячиной. Первое, что бросалось в глаза, – шеренги детородных органов обеих специализаций, убывающих по размеру, подобно мраморным слоникам на бабушкином комод. Немного выше, по стенам, висели надутые резиновые девицы всех конституций, рас и оттенков. На низких стеклянных столиках были навалены груды журналов и видеокассет с цветными непотребствами на обложках.

Из боковой двери нам навстречу вышел улыбающийся прыщеватый парень явно латиноамериканского происхождения. Всем своим видом изображая готовность выполнить любое, даже самое изощренное желание, он радостно поприветствовал нас и сразу посерьезнел, точно доктор, приготовившийся выслушать жалобы пациента. Алла совершенно онемела от ужаса и стыда, поэтому переговоры пришлось начать мне, безъязыкому.

– Мсье Плюш... – сказал я и пальцами изобразил в воздухе нечто кудряво-меховое. – Дубленка...

– Плюш? – с уважением переспросил хозяин сексмага. – О'кей!

Он принес из закров большой мохнатый плед в полиэтиленовой упаковке, а когда плед был любовно разложен на столе, то оказалось, что это синтетическая медвежья шкура, очень похожая на настоящую, но только легкая (он подбросил ее), мягкая; (он погладил ее) и на молнии (он застегнул и расстегнул ее)... Кроме того, продавец знаками горячо рекомендовал нам в комплекте со шкурой приобрести звероподобный фаллический вибратор, работающий как от сети, так и на батарейках...

Мы с Аллой бежали до тех пор, пока снова не оказались в том месте, где улица, названия которой я, конечно, не помню, утыкается в бульвар.

– Может быть, твоя жена что-нибудь перепутала? – стараясь не глядеть на меня, спросила Алла.

– Едва ли, – озираясь по сторонам, чтобы не встретиться с ней взглядом, ответил я. – Обычно она ничего не путает. Разве что «лево» и «право»... Такое с ней случается...

Через двести шагов, сделанных в направлении, прямо противоположном предписанному супругой моей непутевой Верой Геннадиевной, мы очутились возле магазинчика с маленькой витриной, в которой на невидимых ниточках висела рыжая замшевая куртка, напоминающая полураздетого Человека-невидимку... Перед дверью, на тротуаре, были выставлены две стойки с рубашками, пиджаками, свитерами, куртками, брюками, явно уже побывавшими в употреблении и сданными сюда незадолго до того момента, когда их смело можно использовать для работ в саду или гараже.

Мы толкнули дверь, раздался звон колокольчика, и навстречу нам вышел лысый человек с прискорбно большим носом.

– Мсье Плюш? – опасливо спросил я.

– К вашим услугам! – ответил он на чистом русском языке.

– Вам привет от Мананы!

– Благодарю, – безрадостно улыбнулся он и глазами показал на стеклянный шкафчик, где, словно в тесной очереди за дефицитом, спрессовались дубленки и кожаные пальто. – Для мамы?

– Да! – в один голос ответили мы.

Мсье Плюш с равнодушием навек охладевшего мужчины внимательно осмотрел Аллу, задержав бесстрастный взгляд на груди и бедрах, потом шагнул к шкафу, отодвинул стеклянную дверцу и достал восхитительную шоколадную дубленку с пепельно-коричневыми ламовыми воротником, манжетами и опушкой.

– Эта, полагаю, подойдет! – проговорил он и умело помог Алле надеть дубленку. – Тютелька в тютельку!

Мне стало вдруг смешно от этих трогательных словечек, которых в России я не слышал уже лет пятнадцать. Моя покойная бабушка, царствие ей небесное, любила так говорить – тютелька в тютельку... Алла тем временем подошла к зеркалу и, кутая лицо в воротник, несколько раз поворотилась то в одну, то в другую сторону. Дубленка доходила ей почти до щиколоток и сидела великолепно. Имелись, конечно, и недостатки: на спине, ближе к рукаву, обнаружился художественно выполненный шов (сантиметров пятнадцать), плечи были покрыты многочисленными мелкими морщинами, точно рябь на воде, да еще правая пола казалась чуть светлее, чем левая, но для того, чтобы заметить все это, нужно было очень уж всматриваться.

– Здорово! – наконец вымолвила Алла. – Французская?

– Турецкая, – чуть обиженно ответил мсье Плюш. – Без дефектов она стоит три тысячи франков.

– А с дефектами? – спросил я, беря на себя вопрос о цене.

– Триста пятьдесят.

– А Манана говорила – триста! – сам удивляясь своей сквалыжности, возразил я.

– Жизнь дорожает, – вздохнул мсье Плюш. – И потом, Манана покупает оптом...

– Мы тоже возьмем две. Еще одну, точно такую же...

– Во-первых, две – это еще не оптом. А во-вторых, точно такой же у меня сейчас нет.

– А что есть? – похолодел я.

– Вот, пожалуйста! – И он достал из стеклянного шкафчика нечто напоминающее доху закарпатского пастуха.

– Нам это не подойдет! – взмолилась Алла.

– Как угодно...

– Что же делать? – расстроился я.

– Ничего страшного, – успокоил мсье Плюш. – Приходите послезавтра, и вы получите свою дубленку.

– А может, поищите сегодня? – попросила огорчившаяся за меня Алла.

– Дорогие мои товарищи, – улыбнулся мсье Плюш, – под прилавком я искал, когда работал директором комиссионного магазина в Ростове. Только послезавтра.

– Но послезавтра мы улетаем! – объяснила Алла.

– Когда ваш самолет?

– В пятнадцать двадцать...

– Приходите в десять, и вы получите свою дубленку. Учитывая неудобства, я сделаю вам скидку пятьдесят франков.

– Точно? – не удержался я.

– Неточные здесь прогорают в неделю! – снова погрузнев, отозвался мсье Плюш.

Умело сложенная, дубленка превратилась в небольшой и довольно легкий сверток. Алла отсчитала свои триста пятьдесят франков, и на ее лбу тут же разгладилась морщинка приобретения.

– Привет Манане! – провожая нас к выходу, сказал мсье Плюш. – И пусть в следующий раз привезет побольше звездочек. Скажите ей, я возьму по пять франков за штуку...

– Каких звездочек?

– С маленьким кудрявым Лениным. Манана знает. Очень хорошо тут идут, чтоб вы не сомневались...

На улице Алла долго и нежно успокаивала меня: мол, один день ничего не решает, а зато пятьдесят франков на дороге не валяются. Потом, вдруг озаботившись, она стала выспрашивать, не слишком ли бросаются в глаза дефекты ее обновки.

– Совершенно не бросаются, – в свою очередь утешил я. – Представь, что ты купила ее за три тысячи и один раз проехала на метро в час пик...

К Лувру мы возвратились, разумеется, с опозданием: полчаса назад экскурсия должна была кончиться, но у выхода не было никого из наших, кроме Торгонавта. Он, видимо, передумал быть серой музейной мышью и энергично впаривал изумленным туристам стеклянные баночки с икрой. Негры, поблизости торговавшие открытками и буклетами, поглядывали на него с неудовольствием. Заметив нас, Торгонавт крикнул, что, если у меня или у Аллы есть с собой икорка на продажу, он с удовольствием поможет нам ее пристроить, не взяв ничего за посредничество.

Наконец объявилась и наша спецтургруппа. Друг Народов громко возмущался полным отсутствием дисциплины: все разбрелись по Лувру, полностью потеряв ориентацию во времени и пространстве. Но, слава богу, мадам Лану догадалась устроить засаду возле «Гермафродита» и постепенно выловила всю группу.

Нашего отсутствия никто не заметил, и только Диаматыч с пониманием покосился на сверток у меня в руке.

15

– А сейчас три часа свободного времени, – объявил Друг Народов.

– Три часа на разграбление Парижа! – пояснил я.

Товарищ Буров неодобрительно выпятил подбородок.

– Через три часа встречаемся у автобуса! – продолжал инструктаж замрукспецтур-группы. – Опоздавшие будут...

– Лишены советского гражданства! – прибавил я.

Все засмеялись, а Спецкор показал мне большой палец: мол, растешь, сосед!

– С вами, Гуманков, мы еще поговорим! – грозно предупредил товарищ Буров. – А теперь все свободны. Время пошло!

Как по команде, наша спецтургруппа ринулась на штурм Парижа торгового, а мы с Аллой двинулись по улице с праздной неторопливостью людей, которым некуда больше спешить и нечего больше купить. Опускались сумерки. Сквозь витринное стекло маленького магазинчика мы заметили Торгонавта. Он протянул хозяину-китайцу руку, как для поцелуя, а тот, склоняясь, внимательно рассматривал перстень с печаткой в виде Медного всадника.

– Костя, остается пятьдесят франков. Давай купим чего-нибудь для тебя, – предложила Алла. – Одеколон, например...

– А если этот Плюш-жоржет передумает и захочет триста пятьдесят? – усомнился я.

– Он обещал!

– А если?! И потом, я хочу купить жвачку Вике...

– Очень жаль, что ты так мало думаешь о себе! – раздраженно сказала Алла.

Ради праздного любопытства мы зашли в «Тати» – это, как объяснила нам мадам Лану, самые дешевые парижские универмаги, придуманные, между прочим, русским человеком с непустячной фамилией – Татищев. В «Тати» было по-мосторговскилюдно, шумно и душно, отчего я сразу почувствовал себя по-домашнему. К кассам выстроились длинные горластые очереди. Покупатели с раздувшимися пакетами не могли разойтись в узких проходах между рядами вешалок. Две толстые негритянки совсем по-нашему бранились из-за кофточки, одновременно, за разные рукава, вытянутой из разноцветной кучи дешевого тряпья. Возле груды галстуков, похожей на клубок тропических змей, Пипа Суринамская выбирала обновку для Гегемона Толи, который стоял, выпатив грудь и поедая генеральшу глазами.

– Знаешь, – сказала Алла, – когда я у девиц в Москве видела пакеты «Тати», я, дурочка, думала, что это что-то шикарное, вроде Кардена.

– Я тоже.

– Костя, зачем ты дразнишь Бурова? Ты очень смелый?

– Нет, не очень...

– Тогда зачем?

– Чтобы понравиться тебе.

– Ты – ребенок.

– Тебе это не нравится?..

– К сожалению, нравится...

– Почему «к сожалению»?

– Если б я знала... почему!

На улице прямо по тротуару были расстелены зеленые и малиновые паласы, на них стояли легкие столики, а у столиков на ажурных стульчиках сидели веселые люди, они пили кофе из крошечных чашечек, вино из высоких бокалов, но особенно меня поразила огромная пивная кружка – в два раза больше моей, тоже не маленькой, дулевской емкости. Из этой кружищи лениво прихлебывал дохлый юнец, наверное, еще не зарабатывающий даже на лимонад.

Уличный торговец цветами, по виду араб, профессионально уловив мою мягкотелость, привязался к нам с букетом белых роз. Он переводил взгляд с влажных бутонов на Аллу, цокал языком – и, понимая, что, если меня не остановят, произойдет непоправимое, я полез в карман. Но великодушная Алла сердито накричала на цветоношу, и он, совершенно не огорчившись, исчез.

Я представил себе, что у меня очень много франков. Не важно сколько... Достаточно, чтобы зайти в универмаг (не «Тати», конечно!) и выйти одетым, как истый парижанин. Интересно, смог бы я так же непринужденно сидеть у столика, так же рассеянно-добродушно озирать уличную вселенную, так же лениво потягивать пиво из причудливой, как реторта, кружки?.. Нет, не смог бы... Пековский смог бы, а я нет... Почему окружающий мир для меня не источник радости, а источник постоянно ожидаемой опасности? Почему к пяти общедоступным чувствам в меня всажено шестое – испуг? Нет, это не страх перед чем-то определенным. Это способ постижения жизни: зрение, обоняние, осязание, слух, вкус и – испуг. У ящерицы есть юркий язычок, которым она перепроверяет свое зрение, а у меня – испуг...

– О чем ты думаешь? – спросила Алла.

– О нас...

Но я думал о моей матери. Давно, еще в пору своей профсоюзной активности, она водила по заводу иностранную делегацию, кажется чехов, показывала производство, объясняла технологию – и чехи преподнесли ей сверток. Она впопыхах сунула его в служебный сейф с профсоюзной документацией, повела зарубежных друзей обедать в заводскую столовую, где по такому случаю состряпали что-то особенное из продуктов, выделенных по лимиту специальным распоряжением райкома партии. Домой мать приехала поздно, уснула мгновенно, а среди ночи вскочила от ужаса: ей приснилось, что в свертке – бомба. Рыдания, ругань ничего не понимающего спросонья отца, ночное такси, поездка через весь город, ключ, никак не попадающий в замочную скважину, надгробие стального сейфа, сверток, к которому страшно прикоснуться, но позвонить куда следует еще страшней, неизвестно уж какая таблетка валидола под онемевший от мятной горечи язык... И шесть фужеров из чешского стекла в коробке, переложенные синтетической мягкостью...

– Ты давно знаешь Пековского? – спросил я.

– Не очень. Мы познакомились после моего развода. Он принимал у меня вместе с заказчиком программу...

– А кто был твой муж?

– Не знаю...

– В каком смысле?

– В прямом. Я выходила замуж за чудесного парня... Однокурсника. Умного, веселого, сильного. Любого перепьет, любого перешутит, любому в морду даст, если нужно... И он не имел ничего общего с тем существом, которое поселилось потом у меня на диване перед телевизором... Костя, может быть, мужчины в браке окукливаются, как насекомые?

– Возможно, – не стал спорить я.

– Мой муж говорил так: коммунаки делают все, чтобы я ничего не затевал и не задумывался, а я буду вообще лежать и совсем не думать... Когда же так поступят миллионы, этот огосударствленный идиотизм рухнет!

– Ты была замужем за умным человеком! – удивился я.

– Да, умным и жалким... Это легко. Ты попробуй вопреки всему быть белозубым, веселым, богатым!

– Это трудно, – вздохнул я и языком нащупал в зубе дырку, которую давно собирался запломбировать.

– Да, трудно! Нужно напрягаться. Борец – это не запаршивевший диссидент с Солженицыным за пазухой, а тот, кто умудряется вопреки всему жить, как человек...

– Как Пековский? – уточнил я.

– Я не люблю Пековского. Успокойся! Но он способен сопротивляться жизни. Он может защитить от нее. Понимаешь? Пусть лучше нелюбимый защитник, чем любимый – как это Машенька сказала? – бабятя...

И Алла посмотрела на меня с таким гневом, что сердце мое похолодело. Когда красивая женщина сердится, она становится еще красивее. Заглядевшись на Аллу, я чуть не врезался в отрешенно лобзающуюся парочку. Уличный поток обтекал их так, словно это была городская скульптура, вроде роденовских поцелуйщиков. Мы свернули с освещенной улицы и присели на лавочку в маленьком скверике, окаймленном геометрически подстриженным кустарником. Кучки облетевшей листвы в темноте казались ямами.

– Понятно, – сказала Алла. – Ты завел меня сюда с гнусными намерениями...

– Разумеется, – отозвался я, изготавливаясь к поцелую.

– И тебе меня не жалко?

– Нисколько! – Я обнял ее за плечи и начал медленно клониться к светлевшему в темноте лицу.

– Не надо! – прошептала она.

– Надо! – отозвался я, помня школьную заповедь, что в таких случаях главное – не замолкать и говорить что-нибудь.

Поцелуй вышел неудачный. Я, кажется, облизнул в темноте Алле щеку, пока наконец не напал на ее губы. А когда она захотела оторваться от меня, я проявил неуклюжую настойчивость, в результате чего раздался совсем уж неприличный всчмок...

– Костя, да ты совсем не умеешь целоваться! – засмеялась Алла.

И мне показалось, что она тоже меня сравнивает, не знаю уж с кем – со своим бывшим мужем или нынешним Пековским. Я ощутил совершенно ребяческую, беспросветную до сладости обиду и встал. Назад мы возвращались молча.

Около автобуса, уставившись на часы, как судья на секундомер, караулил Друг Народов. Кажется, он был очень разочарован, что мы с Аллой пришли вовремя. Все были с покупками. В глаза бросался Гегемон Толя, одетый в новый белый аленделонистый плащ и галстук, выбранный для него Пипой Суринамской, которая в свою очередь нежно поглядывала на стоявшую у ее ног сумку, раздувшуюся, как свиноматка. Спецкор держал между колен аккуратно упакованные горные лыжи. Товарищ Буров был при коробке с телевизором, стоившим, по моим понятиям, тысячи полторы, а то и две. Поэт-метеорист, занявший у мадам Лану под премию пятнадцать франков, прикладывался к пузатенькой бутылочке...

Опоздал Торгонавт. Он был бледен, словно человек, из которого трехведерным шприцем вытянули всю кровь.

– Почему вы опоздали? – грозно спросил товарищ Буров.

Торгонавт поглядел на него умирающим взором и всхлипнул.

– Вы потеряли паспорт? – встревожился рукспецтургруппы.

– Нет... – помотал головой Торгонавт.

– А что случилось? – вмешался Друг Народов. – Была провокация?

– Не-ет... Я... купил себе пиджак за сто пятьдесят франков... А в другом магазине такой же стоил сто десять...

Эта душераздирающая информация вызвала единодушное чувство сострадания, и несчастный Торгонавт не был лишен советского гражданства.

16

Вечером, после ужина, провели планерку, посвященную итогам дня и предстоящему посещению пригородного района Парижа, где у власти – коммунисты. Поскольку после посещения муниципалитета, спичечной фабрики и лицея планировался товарищеский обед с участием активистов местного отделения ФКП, товарищ Буров предложил Поэта-метеориста с собой не брать...

– Жалко! – возразила Алла. – Все-таки последний день в Париже. Пусть пообещает, что не будет пить!

В ответ Поэт-метеорист обозвал нас всех помойными чайками, сказал, что в гробу видал этот наш подпарижский райком партии и что если мы будем на него давить, то он выберет свободу, а нас всех за это по возвращении удавят. Затем он решительно потребовал взаймы у Гегемона Толи десять франков, тот, растерявшись от неожиданности, дал – и, обретя вновь гордую алкогольную автономию, Поэт-метеорист в сопровождении своей верной Пейзанки покинул штабной номер.

Когда всех отпустили, Друг Народов с видом подлого мультипликационного зайца сказал: – А вот Гуманкова попрошу остаться!

Товарищ Буров неподвижно сидел в кресле, и на его лице застыло апокалиптическое выражение. Заместитель же ходил по номеру решительными шагами и высказывал от имени руководства спецгруппы резкое неудовольствие по поводу моего безобразного и антиобщественного поведения:

– Постоянные нарушения дисциплины! Постоянные высказывания с душком!..

– С каким душком? – уточнил я.

– Не прикидывайтесь! И не берите пример с вашего соседа! Он журналист. А вы? Кто вы такой? И что вы себе позволяете?!

– А что я себе позволяю? – Пугливая предусмотрительность подсказывала, что чем дольше мне удастся прикидываться полудурком, тем лучше.

– Вы, кажется, женаты? – вступил в разговор товарищ Буров.

– Вы, кажется, тоже? – не удержался я.

– Прекратите хамить руководителю группы! – взвизгнул Друг Народов. – Мы обо всем сообщим в вашу организацию! Вы понимаете, чем все это для вас кончится?

– А у меня еще ничего и не начиналось...

– Подумайте о последствиях, Гуманков! – пригрозил замрукспецгруппы. – Шутите с огнем!

– Не надо меня пугать! – взорвался я. – Что вы у меня отнимете? Компьютер? А кто тогда будет вашу икру считать?

– Какую икру?

– Красную и черную...

– Опять хамите! – Друг Народов топнул ногой и растерянно глянул на товарища Бурова.

– Не понимает! – медленно определил ситуацию рукспецгруппы. – В Союзе мы ему объясним...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.